

АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

misterium

РУТ
РЕНДЕЛЛ

СОЛНЦЕ для МЕРТВЫХ ГЛАЗ

РУТ РЕНДЕЛЛ – ЛУЧШАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА
ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИРЕ.

Time

ЭКСМО

Рут Ренделл

Солнце для мертвых глаз

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4442550
Солнце для мертвых глаз / Рут Ренделл: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-59975-2

Аннотация

Тедди – родился в нищете и всю сознательную жизнь пытался добиться успеха. Теперь он талантливый краснодеревщик, мечтающий очистить мир от уродства и безвкусицы. Гарриет – когда-то яркая женщина, теперь развлекающаяся тем, что вызывает к себе на дом молодых ремонтников и склоняет их к сексу. Франсин – студентка колледжа, которая в детстве пережила жуткое зрелище убийства своей матери, а теперь пытается вырваться из-под опостылевшей опеки своей мачехи. Казалось бы, что может связывать этих людей? Тем не менее судьба самым причудливым образом свела их вместе, под одной крышей, – причем один из них должен умереть...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	11
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Рут Ренделл

Солнце для мертвых глаз

Снова посвящается Дону

Глава 1

Им предстояло держаться за руки и смотреть друг на друга. Пристально, глаза в глаза.
– Это не позирование, – сказала она. – Это пытка. Почему я не могу сесть к нему на колени?

Он рассмеялся. Что бы она ни говорила, все смешило его или приводило в восторг, все в ней – от темно-рыжих выющихся волос до крохотных ножек – пленяло его. Инструкции художника состояли в том, что Марк должен смотреть на нее так, будто влюблен в нее, а она – будто боготворит его. Это было легко и естественно.

– Не глупи, Гарриет, – сказал Саймон Элфетон. – Но какова идея! Вы когда-нибудь видели картину Рембрандта под названием «Еврейская невеста»?

Они не видели. Саймон описывал им ее, делая предварительные наброски.

– Это очень нежная картина, на ней изображена покровительственная любовь мужчины к юной покорной жене. Оба они, по всей видимости, состоятельные люди, оба в богатых одеждах, но с первого взгляда видно, что они чуткие и заботливые и что любят друг друга.

– Как мы. Состоятельные и любим друг друга. Мы похожи на них?

– Ни капельки, и вряд ли вы захотели бы походить на них. Представления о красоте сильно изменились.

– Можешь назвать ее «Рыжеволосая невеста».

– Она тебе не невеста. Я назову картину «Марк и Гарриет на Оркадия-плейс» – как же иначе? А теперь помолчи немного, хорошо, Марк?

Те, кто разбирался в подобных вещах, называли бы дом, перед которым они стояли, «георгианским коттеджем», построенным из красного кирпича «ручной формовки». Но сейчас, в середине лета, почти вся кладка была спрятана под плотной завесой дикого винограда; его зеленые блестящие листья подрагивали от легкого бриза. Ветер то и дело поднимал рябь на этом вертикальном море зелени, и тогда казалось, что дрожит и шелестит весь дом.

Саймон Элфетон обожал стены – из кирпича, песчаника, из дерева и валунов. Когда он писал «Кам Хитер» у здания студии на Хэнгинг-Сворд-элли, то разместил музыкантов на фоне бетонной стены, заклеенной постерами. Едва увидев, что у дома Марка есть одна стена из живых листьев, он тут же захотел запечатлеть ее, ну и Марка с Гарриет тоже, естественно. Стена сияла различными оттенками зеленого, на Марке был темно-синий костюм с узким черным галстуком, а Гарриет была в красном.

Когда придет осень, виноградные листья окрасятся в тот же цвет, что ее волосы и платье. Потом они побледнеют до золотистого, затем – до бледно-желтого, опадут и станут помехой при ходьбе, покрывая мощеную, ограниченную живой изгородью площадку и весь задний двор слоем в несколько дюймов. Взорам снова откроется кирпичная кладка стен и делящие ее на секции деревянные балки, которые, по всей видимости, являются имитацией. А весной тысяча девятьсот шестьдесят шестого года на ветках появятся крупные бледно-зеленые почки и заново начнется лиственный цикл. Саймон размышлял об этом, рисуя листья, волосы и плиссированный шелк.

– Не делай этого, – сказал он, когда Марк наклонился вперед, чтобы поцеловать Гарриет, и одновременно потянул ее к себе. – Неужели ты не можешь оставить ее в покое хоть на пять минут?

– Трудно, дружище, очень трудно.

– Я хочу передать нежность, а не похоть. Ясно?

– У меня нога затекла, – сказала Гарриет. – Можно сделать перерыв, а, Саймон?

– Еще пять минут. Забудь о ноге. Смотри на него и думай, как сильно ты его любишь.

Она смотрела на него, а он – на нее. Правой рукой Марк держал ее за левую руку, и их взгляды были долгими и полными любви, а Саймон Элфетон писал их, запечатлевая в саду на фоне коттеджа «Оркадия» если не навсегда, то на очень длительный срок.

– Может, я куплю ее, – уже позже сказала Гарриет, одобрительно глядя на изящные контуры своего лица и фигуры.

– На какие шиши? – Марк поцеловал ее. Его голос звучал нежно, а вот в словах нежности не было. – У тебя нет денег.

Вспоминая тот день, Саймон Элфетон думал, что то было началом конца, а уродливый червь, до этого прятавшийся в бутоне, вылез наружу и, извиваясь, пополз меж цветами.

Глава 2

Однажды в субботу – день был промозглым – Джимми Грекс и Элейн Таунтон отправились на автобусную экскурсию в Бродстейрс. Было лето тысяча девятьсот шестьдесят шестого года. Это совместное путешествие было для них первым. Раньше их времяпрепровождение – Элейн называла это «светской жизнью», а Джимми никак не называл – ограничивалось походами в «Белую Розу и Лев» и периодическими чаепитиями в доме матери Элейн. Однако у паба сменилось руководство, и для завсегдатаев по выходным стали устраивать особые мероприятия. Экскурсия в Бродстейрс и была одним из таких мероприятий.

Шел дождь. Резкий северный ветер свирепствовал вдоль всего побережья в Суффолке, Эссексе и Кенте, – вероятно, он выдыхался только на подходе к Нормандским островам. Джимми и Элейн сидели под навесом на набережной и утоляли голод прихваченными из дома сэндвичами. Они купили разноцветных карамельных палочек и тщетно пытались в подзорную трубу разглядеть берег Франции. А когда приблизилось время вечернего чая, решили, что пора съесть полноценный обед, и отправились в ресторан «Попплуэлл», расположенный в приморской части города.

Как и множество ресторанов и кафе того времени, «Попплуэлл» не имел лицензии на продажу спиртного, а Джимми безумно хотелось выпить. Ему пришлось удовольствоваться чаем, так как пабы открывались только в половине шестого. Но даже когда они расправились с яйцами, жареной картошкой, горошком и грибами, а также с яблочным пирогом, десертом из заварного крема и кексом Данди, им предстояло убить еще полчаса времени. Джимми заказал себе еще один чайничек чаю, а Элейн пошла в дамскую комнату.

Это было крохотный, грязный – типично для того времени – чуланчик без окон и с единственной кабинкой. Раковина едва держалась на закрепленных на стене кронштейнах. Мыла, полотенца, пусть и бумажного, и даже примитивной сушилки для рук, естественно, не было. Один из кранов тек. Из кабинки вышла женщина, и туда зашла Элейн. Из-за дверцы она слышала, как сначала пожурчала вода, а потом закрылась входная дверь.

Элейн не собиралась мыть руки. Она помыла их еще утром, перед отъездом из дома; кроме того, в туалете не было полотенца. Однако оглядела себя в потрескавшееся зеркало, слегка взбила волосы, выпатила и растянула губы. Увлеченная всем этим, она все же обратила внимание на полочку под зеркалом. В центре лежало кольцо с бриллиантом.

Наверное, женщина, которая была здесь до нее, сняла его, чтобы помыть руки, и забыла. Вот к чему может привести слишком частое мытье рук. Элейн не разглядела женщину, заметила только, что она средних лет и одета в дождевик. Она устремила взгляд на кольцо. И взяла его.

Даже полный профан, тот, кто плохо разбирается в драгоценностях и не умеет на глаз оценивать их, сразу распознал бы настоящее бриллиантовое кольцо. Конкретно в этом был солитер с двумя сапфирами, по одному на каждой накладке. Элейн надела его на правую руку, и оно село, как будто было сделано для нее.

Нет, выходить из туалета с кольцом на руке нельзя, это плохая идея. Она сунула его в сумку. Джимми ждал ее, докуривая уже тридцатую сигарету за день. Одну он дал Элейн, и они отправились в «Якорь», где он выпил пинту горького пива, а она – полпинты сидра. Через какое-то время она открыла сумку и показала ему бриллиантовое кольцо.

Ни одному из них не пришла в голову идея отнести кольцо в ресторан, отдать управляющему или сдать его в полицию. Что упало, то пропало. Зато других идей в их головах было предостаточно. Вернее, одна общая идея. Элейн снова надела кольцо на палец, правда, на этот раз – на средний палец правой руки, и выставила руку с растопыренными пальцами

перед Джимми, демонстрируя его. И вообще, с какой стати ей его снимать? Она не сказала это вслух, но мысль каким-то образом передалась ему.

Он купил вторую пинту горького пива и пакет чипсов, вернулся к столику и сказал:

– Можешь оставить его себе.

– Серьезно? – Ее голос звучал неуверенно. Она понимала всю серьезность и трепетность момента.

– А еще можешь считать себя помолвленной, – сказал Джимми.

Элейн кивнула. Она не улыбнулась. Ее сердце глухо стучало в груди.

– Ну, если ты так считаешь.

– Я уже подумывал об этом, – сказал Джимми. – Собирался купить тебе кольцо. И не рассчитывал на то, что подвернется это. Я еще выпью. Тебе принести сидра?

– Почему бы нет? – сказала Элейн. – Праздновать так праздновать. И дай мне еще одну сигаретку.

Вообще-то до настоящего момента Джимми не думал о помолвке. Он не собирался жениться. Зачем ему жениться? У него есть мать, чтобы ухаживать за ним, и брат; матери всего пятьдесят восемь, ей еще жить и жить. Но находка оказалась слишком хорошим шансом, чтобы его терять. Предположим, он ничего бы не сказал и позволил Элейн просто так носить кольцо, а потом в один прекрасный день решил бы обручиться, и тогда ему пришлось бы покупать новое кольцо. Кроме того, помолвка – это всего лишь помолвка, она может длиться годами, и вовсе не значит, что нужно завтра же жениться.

* * *

Элейн не любила Джимми. Если бы она хоть раз задумалась над этим, то пришла бы к выводу, что он ей нравится. Он нравился ей больше, чем другие ее знакомые молодые люди, но других просто не было. Ни один мужчина не заходил в мастерскую, где она работала ассистенткой мисс Харви, хозяйки, и продавала пожилым дамам одежду, связанную двусторонней вязкой из мягчайшей двухниточной пряжи. Она познакомилась с Джимми, когда он со своим начальником прибыл, чтобы покрасить расположенную наверху квартиру мисс Харви и установить новую раковину. Это было пять лет назад.

Хотя Элейн была правой, следующие несколько недель она обслуживала клиентов левой рукой, правую же все время держала у подбородка, чтобы было видно, как сверкает бриллиант. Они с Джимми, как и прежде, ходили в паб, Джимми, как и всегда, приходил к миссис Таунтон на чай. Элейн отпраздновала свой тридцать пятый день рождения. Они несколько раз участвовали в различных мероприятиях, устраиваемых «Белой Розой и Львом», либо вдвоем либо брали с собой миссис Таунтон и ее подругу Глэдис.

Иногда Элейн заговаривала о женитьбе, но Джимми всегда отвечал: «Мы же только что обручились!» или: «Куда нам спешить, подумаем над этим через годик или два». К тому же у них не было денег, чтобы купить или арендовать жилье. Элейн не хотела жить ни со своей матерью, ни с его. В их отношениях не было сексуальной составляющей. Хотя Джимми изредка целовал ее, но никогда не предлагал нечто большее, и Элейн убеждала себя, что никогда не согласилась бы на это, даже если бы он и предложил. Она уважала его за то, что он ничего не предлагает. Куда спешить, можно вернуться к этому вопросу через годик или два.

А потом умерла мать Джимми. Она шла из магазина с тяжело нагруженной сумкой и упала замертво. Батоны, полуфунтовые пачки масла, упаковки с бисквитами, куски чедера, апельсины, бананы, бекон, две курицы, консервные банки с фасолью и со спагетти в томатном соусе – все это покатилося по тротуару или высыпалось в канаву. У Бетти Грекс случился тяжелейший инсульт.

Оба ее сына жили в доме с самого рождения, и ни один из них не желал съезжать. Теперь, когда некому было за ним ухаживать, Джимми решил жениться. В конце концов, он уже пять лет обручен. Кольцо, которое Элейн носила не снимая, напоминало ему об этом. Конечно, она вряд ли обрадовалась бы, если бы и свадебное кольцо нашла в дамском туалете, но, к счастью, у него осталось кольцо матери. Они поженились в Бюро записи актов на Бернт-Оак.

Грексы жили недалеко от Северной кольцевой, в Нисдене, в доме, соединенном общими стенами с соседними зданиями. Снаружи он был оштукатурен и покрашен желтой охрой, внутри имелась маленькая ванная и кухня. Так как дом стоял на углу, в сад можно было попасть с улицы, и здесь, на этом клочке земли, заполняя почти все пространство, Кейт Грекс держал свою машину. Вернее, машины, которые постоянно менял. На момент женитьбы брата у него был красно-серебристый «Студебекер» с «плавниками».

Кейт был младше Джимми и не женат. Равнодушный к женщинам и вообще к сексу, к чтению и спорту, он был практически индифферентен ко всему остальному, кроме выпивки и машин. Причем машины он любил не водить, а чинить. Кейт разбираал машины до винтика, а потом снова собирал их. Чистил, полировал и любовался ими. До «Студебекера» у него был «Понтиак», а еще раньше – «Додж».

Для разездов Кейт использовал мотоцикл. Когда его машина пребывала в идеальном состоянии и выглядела наилучшим образом, он выводил ее на улицу и ехал по Северной кольцевой до Брент-кросс, потом по Хендон-уэй до Стейшен-роуд, а возвращался по Бродвею. Когда Клуб владельцев «Студебекеров» устраивал гонки, он со своей машиной всегда в них участвовал. Грядущее мероприятие означало, что двигатель машины будет разобран и снова собран. Работая, как и брат, в строительном бизнесе, Кейт на заднем дворе выложил бетонными плитками площадку для машины и мотоцикла, а под сад оставил крохотный прямоугольник с газоном, одуванчиками и чертополохом.

При жизни матери и раньше, при жизни отца, братья Грекс делили одну спальню. Там, по вечерам, пока Кейт трудился над своей машиной, Джимми удовлетворял собственные сексуальные потребности с помощью журнала «Пентхаус». Сейчас же, переезжая в комнату, в которой когда-то обитала Бетти Грекс, он понимал, что от привычки придется отказаться. Особо не размышляя над этим, Джимми считал, что все пройдет легко. Однако на это ушел почти год, и оказалось для него не столь приятным, как воображаемые соития с девицами на разворотах журнала. Что до Элейн, она просто смирилась. Так и должно быть. Ей не причиняют боль. Она не мерзнет, ее не тошнит. Тем же самым занимаются все семейные пары. Это так же естественно, как пылесосить дом, ходить в магазин или запирасть заднюю дверь на ночь.

Естественно, как и иметь ребенка.

* * *

Элейн было сорок два. Ей даже в голову не приходило, что в таком возрасте можно забеременеть. Как и множество женщин, она решила, что это климакс. Кроме того, она почти ничего не знала о половой жизни и еще меньше – о репродуктивных процессах и руководствовалась причудливыми понятиями, почерпнутыми у матери и теток. Одно из таких понятий заключалось в следующем: чтобы забеременеть, эякуляция должна быть частой, обильной и кумулятивной. Другими словами, внутрь должно попасть много этой штуки, прежде чем будет какой-то результат. Это очень напоминало лосьон «Грециан 2000», которым Кейт смазывал свои седеющие волосы: эффект проявлялся только после повторного нанесения.

В их семейной жизни нанесения, вернее привнесения, были редкими и грозили стать еще реже. Поэтому Элейн не поверила, что беременна, даже когда у нее сильно увеличился

вес и вырос большой живот. Джимми, естественно, ничего не замечал. А вот миссис Ченс, жившая по соседству, спросила, когда ей рожать. И мать Элейн сразу все поняла – они не виделись два месяца – и выразила мнение, что у ребенка наверняка будут «какие-то отклонения», учитывая возраст ее дочери. В те времена никто не заговаривал о синдроме Дауна, и Агнес Таунтон сказала, что ребенок родится монголом.

Элейн никогда не ходила по врачам – никто из них не ходил – и не собиралась заниматься этим сейчас. Она придерживалась широко распространенного мнения, что если что-то игнорировать, то оно само пройдет. Вот она и игнорировала свою расплывшуюся фигуру и не ограничивала себя в еде. У нее развилась страсть к пончикам и рогаликам, которые только-только появились в магазинах, к тому же она курила как паровоз, сорок или пятьдесят сигарет в день.

В начале семидесятых стало модным выражение «наладить связь со своим телом». Элейн не имела никакой связи со своим телом, никогда не разглядывала его и не смотрела на свое отражение в зеркале. Все его ощущения, кроме острой боли, она не принимала во внимание. А вот боли были сильными, Элейн никогда не испытывала ничего подобного. Они продолжались и продолжались, усиливаясь с каждым приступом. Элейн не могла больше игнорировать свое тело. Естественно, у семейства Грексов телефона не было, им даже в голову не приходило провести в дом линию, поэтому за врачом, который мог бы помочь страдающей Элейн, командировали Кейта. Он поехал на своем «Студебекере» – машина случайно оказалась на ходу, так как готовилась к мероприятию, назначенному через две недели.

О том, чтобы за врачом отправился Джимми, и речи не было. Он сказал, что все это буря в стакане воды. Кроме того, он недавно купил первый цветной телевизор и смотрел Уимблдон. Приехал доктор, злой, не поверивший ни единому слову, и обнаружил Элейн в луже отошедших вод, курящую одну сигарету за другой. Прибыла акушерка. Семейство Грексов, в полном составе, подвергли суровому осуждению, а акушерка самолично выключила телевизор.

Ребенок, мальчик весом девять фунтов и девять унций¹, родился в десять вечера. Вопреки предсказаниям миссис Таунтон, никаких отклонений у него не было. Вернее, таких, какие она имела в виду. Имевшиеся у него отклонения в те времена не поддавались никаким анализам, да и сейчас, по сути, не поддаются. В общем, все зависит от того, к кому себя относить: к тем, кто ставит во главу угла природу, или к тем, кто считает определяющими среду и воспитание. В семидесятые все, кто имел хоть какие-то знания, считали, что характер и темперамент человека формируются исключительно окружающей средой и обусловливанием² на раннем этапе жизни. В общем, правил Фрейд.

Это был красивый малыш. Пока он сидел в утробе, его мамаша питалась рогаликами с маслом, пончиками со взбитыми сливками, саями, жирным беконом, яичницей, шоколадными батончиками, сосисками и чипсами, которыми заедала все остальное. За этот период она выкурила около десяти тысяч восьмисот сигарет и выпила много галлонов «Гиннеса», яблочного, грушевого сидра и сладкого хереса. Но он все равно получился красивым ребенком с гладкой персиковой кожей, темно-каштановыми шелковистыми волосиками, с такими же ангельскими чертами, как на картинах великих художников, с крохотными, идеальной формы пальчиками на руках и на ногах.

– Как ты его назовешь? – спросила миссис Таунтон через несколько дней.

– Ну, надо же его как-то назвать, правда? – сказала Элейн с таким видом, будто дать имя ребенку, в общем-то, стоило, но делать это было необязательно.

---

¹ 4, 340 кг.

² **Обусловливание** – создание условий, дающих возможность управлять поведением человека, например создание ситуаций для формирования условного рефлекса. Этому аспекту, в частности, посвящены известные труды Павлова.

Ни она, ни Джимми не знали никаких имен. Нет, знали свои собственные, имена Кейта и мистера Ченса, жившего по соседству, его звали Альфредом, и имена умерших отцов, но ни одно из них им не нравилось. Кейт предложил имя Роджер, потому что так звали его приятеля, с которым он выпивал, но Элейн не любила этого Роджера, поэтому от имени отказались. Как-то зашел в гости один сосед и принес малышу подарок. Это был крохотный белый плюшевый медвежонок с бубенчиками на лапах и ленточкой, за которую его можно было повесить к косяку над дверью.

И Агнес Таун, и Элейн, обе тронутые до глубины души, ахнули и умилились.

– Медвежонок Тедди, – восторженно произнесла Элейн.

– Вот тебе и имя, – сказал Кейт. – Тедди. Сокращенное от Эдвард. – И он расхохотался над собственной шуткой, потому что больше никто не засмеялся.

Глава 3

На него почти не обращали внимания. Они вообще не обращали внимания друг на друга. Каждый, казалось, жил в своеобразном неклиническом аутизме, делал свои дела, целиком поглощенный самим собой. У Кейта были машины, у Джимми – телевизор. Элейн, всю жизнь продававшая вязаные вещи, была одержима шерстяной и прочей пряжей, но вязание спицами удовлетворения ей не приносило, поэтому она вязала крючком. И вязала бесконечно, выдавая на-гора лоскутные одеяла, коврики, скатерти и предметы одежды.

До четырех Тедди спал в комнате родителей, а потом переехал к дяде, где ему поставили раскладушку. Пока он был маленьким, он часами сидел в манеже, и на его плач не обращали внимания. Оба, Элейн и Джимми, обладали непревзойденной способностью что-либо игнорировать. В доме всегда было полно еды, сытные обеды готовились из полуфабрикатов и замороженных продуктов, так что Тедди кормили обильно. Телевизор был включен постоянно, так что всегда было на что смотреть. Никто никогда не обнимал его, не играл с ним и не разговаривал. Когда ему исполнилось пять, Элейн отправляла его в школу одного. Школа стояла примерно в пятидесяти ярдах вдоль по улице на той же стороне, что и дом, поэтому вряд ли Элейн можно было назвать нерадивой матерью, отпустившей ребенка в опасное путешествие.

Он был самым высоким и красивым мальчиком в классе. По идее, ребенок с именем Тедди должен быть пухлым, розовощеким, улыбчивым и голубоглазым, с каштановыми вьющимися волосами. Тедди же Грекс был высоким и стройным, темноволосым, с оливковой кожей и карими глазами. Облик дополнял слегка вздернутый нос, пухлый рот и приветливое выражение на лице, от которого бездетным женщинам хотелось схватить мальчика и стиснуть его в объятиях.

И получили бы жесткий отпор, если б решились на это.

В семь он забрал свою раскладушку из комнаты дядьки. Ничего нехорошего с ним в этой спальне не происходило. И стычек никаких не было, даже словесных. Они вообще редко разговаривали. Если бы – уже во взрослом возрасте – Тедди Грексу пришлось иметь дело с психиатром, самый опытный эксперт не смог бы диагностировать синдром вытеснения памяти.

Тедди жаловался только на недостаток уединения и на страшный храп дядьки, на бульканье и рычание, которые, казалось, сотрясали весь дом; этот звук напоминал шум от воды, стремительно сливающейся в канализацию из десяти ванн, когда из них одновременно выдернули затычки. И на дым, он не любил дым. Хотя Тедди давно привык к нему и впитал его, как говорится, с молоком матери, в маленькой комнатухе было невозможно дышать, так как Кейт выкуривал свою последнюю за день сигарету в половине первого ночи, а первую – в шесть утра.

Тедди сам переставил раскладушку. Кейт был на работе, монтировал канализацию в доме на Brent-cross. Джимми тоже был на работе, подносил кирпичи, бегая с ведром вверх-вниз по приставной лестнице. Элейн находилась в гостиной и ловко выполняла одновременно пять дел: курила сигарету, пила из банки коку, ела батончик, смотрела телевизор и вязала крючком пончо из пряжи различных цветов: пламени, лайма, морской волны и фуксии. Тедди с грохотом – у него не хватало сил поднять ее – стащил раскладушку вниз. Если Элейн и слышала, как металлическая рама стучит по ступенькам, то никак это не обозначила.

Столовой никогда не пользовались, даже на Рождество. Комната была крохотной, обстановка включала викторианский стол из красного дерева, шесть стульев и буфет. Туда было не простиснуться, не говоря уже о том, чтобы всем вместе сесть за стол. Предметы покрывал толстенный слой пыли, и такая же пыль густым облаком поднималась вверх, сто-

ило только пошевелить длинные, до пола, бархатные шторы неопределенного цвета. В комнату никто не заходил, поэтому здесь не так сильно воняло дымом, как в остальных помещениях.

Уже тогда, в семь, Тедди решил, что эта мебель уродлива. Он с любопытством изучал ее – выпуклые накладки, которыми были украшены ножки, латунные мозолистые львиные лапы с когтями, на которые опирались эти ножки. Сиденья стульев были обиты предшественницей искусственных материалов – чем-то вроде черно-коричневой имитации кожи. Буфет – с деревянными полками и столбиками с флеронами, резными панелями и филленчатыми дверцами, со вставками из кусочков зеркала и витражами из зеленого стекла – был так страшен, что мог напугать кого угодно, если долго на него смотреть. А в предутренних сумерках, когда только-только занимается рассвет, его наполовину скрытые темнотой стенки, шпиль и полости могли напомнить кому-то дворец колдуньи из сказки.

Всего этого надо было избегать. Тедди указательным пальцем нарисовал на пыльных сиденьях различные узоры, а на поверхности стола написал оба известных ему неприличных слова. Затем составил четыре стула друг на друга, парами, сиденье к сиденью, ножки к спинке, а два оставшихся забросил на буфет так, чтобы его жуткий облик прятался за спинками. Так он освободил место под свою раскладушку.

Кейт заметил его отсутствие, но никак не прокомментировал; время от времени он приходил в столовую, выкуривал сигарету и бессвязно, не обращаясь конкретно к Тедди, рассказывал о своей машине или о намерении сходить в букмекерскую контору. Наверное, ни Элейн, ни Джимми не знали, где спит их сын. Элейн довязала пончо, надела, сходила в нем в магазин и приступила к своему самому амбициозному на тот момент проекту: длинному, до пола, черно-алому пальто с пелериной и капюшоном. Джимми упал с лестницы, повредил спину и ушел с работы на пенсию. Он так и не оправился от травмы и никогда больше не работал. Кейт сменил «Студебекер» на светло-зеленый «Линкольн» с откидным верхом.

* * *

Люди на улице поговаривали, что Тедди Грекс стал ходить к соседям, потому что им пренебрегают дома. Ему хочется, говорили они, тепла и ласки, любви, которую может дать ему бездетная Маргарет Ченс. А еще общения, чтобы кто-то интересовался им и его делами в школе; возможно, Тедди соскучился по чистому дому и нормально приготовленной еде. Языки всегда работали без устали, когда речь шла о семействе Грексов: об их машинах, о безработном Джимми, о странных нарядах Элейн и о том, что она курит на улице.

Однако они ошибались. Может, им и пренебрегали – хотя еды у него всегда было вдоволь и его никто не бил, – но тепла и ласки Тедди не жаждал. Он никогда не ощущал по отношению к себе чьей-либо любви и потому просто не знал, что это такое. По этой ли причине либо потому, что просто таким уродился, – в общем, он не ждал тепла и ласки. Тедди был самодостаточен. Он приходил к соседям и подолгу сидел у них, потому что их дом был полон красивых вещей, а Альфред Ченс изготавливал красивые вещи в своей мастерской. В восемь лет Тедди познакомился с красотой.

В той части сада, что примыкала к площадке, на которой Кейт Грекс держал своей зеленый «Линкольн», у мистера Ченса была мастерская. Он построил ее своими руками тридцать лет назад из белого кирпича и красного кедра; внутри у него стоял верстак и хранились инструменты, необходимые для его ремесла. Альфред Ченс был столяром-краснодеревщиком и иногда, по особым случаям, резчиком по камню. Надгробие, на котором он выбил буквы, было первым образчиком его многогранного таланта, увиденным Тедди.

Надгробие было из гранита, темно-серым и блестящим, а глубокие буквы – черными. «Смерть – это точка, конец грехам, – прочитал Тедди, – это переминышка между земной и

лучшей жизнью». Он, естественно, не понимал, что это значит, но знал, что работа ему очень нравится.

– Наверное, тяжело вырезать такие буквы, – сказал он.

Мистер Ченс кивнул.

– Мне нравится, что буквы не золотые.

– Хороший мальчик. Девяносто девять человек из ста захотели бы золотые. Как ты понял, что черные лучше?

– Не знаю, – ответил Тедди.

– Кажется, у тебя есть врожденный вкус.

В мастерской пахло свежеструганным деревом, запах был острым, органичным. К стене был прислонен незаконченный ангел, вырезанный из туфа, по цвету напоминающего волосы блондина. Мистер Ченс привел Тедди в дом и показал ему мебель. Тедди не впервые оказался в чужом доме – время от времени он бывал у бабушки Таунтон, а еще его раз или два приглашали на чай одноклассники. Но только этот дом не был обставлен викторианской мебелью, переходившей от поколения к поколению, или примитивной мебелью от «Джиплана» или «Паркера Нолла».

Если в доме Грексов не было книг, то здесь они стояли в книжных шкафах со стеклянными дверцами и фасонными пилястрами, со слегка выдвинутой вперед средней секцией и массивным цоколем. Бюро в гостиной, состоявшее из множества крохотных ящичков, было самым настоящим чудом, овальный стол из темного дерева с инкрустированными цветами и листьями более светлого оттенка блестел как зеркало. Горка на гнутых ножках имела раскрашенные дверцы, и рисунок представлял собой фрукты, высыпавшиеся из резной каменной вазы.

– Зрелище для воспаленных глаз, вот что это, – сказал мистер Ченс.

Если в этомместилище великолепия, расположенном в тесном домишке на севере Лондона, и присутствовала какая-то несообразность, Тедди ее не заметил. Он был восхищен увиденным. Однако не имел привычки демонстрировать свой восторг и, сказав, что ему нравятся высеченные буквы, проявил несвойственную ему эмоциональность. Он кивнул каждому предмету мебели и одним пальцем осторожно погладил фрукты на фасаде горки.

Мистер Ченс спросил, хочет ли он бисквит.

– Нет, – ответил Тедди.

Никто не учил его говорить «спасибо». Никто не скучал по нему, когда он сидел у соседей, и родные даже не замечали его отсутствия. Чета Ченсов занялась его кругозором. Они повели Тедди в Музей мадам Тюссо, в Букингемский дворец, в Национальный музей естественной истории и музей Виктории и Альберта³. Их радовала его восторженная реакция на красивые вещи и живейший интерес ко всем остальному, а отсутствие хороших манер их совсем не заботило. Сначала мистер Ченс не разрешал Тедди прикасаться к пиле или стамеске, но допускал в мастерскую и позволял наблюдать за его работой. Потом дал поддержать инструменты, а через несколько недель разрешил остругать кусок деревяшки, которой предстояло стать элементом дверной панели. Призывать Тедди к тишине надобности не было, потому что мальчик по большей части молчал. При этом он не изнывал от скуки, не ныл и ничего не требовал. Иногда мистер Ченс спрашивал, нравится ему резьба или рисунок, и почти всегда Тедди отвечал «да».

Однако время от времени из его уст звучало холодное недвусмысленное «нет», такое же четкое, как то, каким он ответил на предложение бисквитов.

Тедди нравилось смотреть на рисунки мистера Ченса. Одни были вставлены в рамы и висели на стенах в доме, другие лежали в папке в мастерской. Они были сделаны каранда-

---

³ Самый большой в мире музей декоративно-прикладного искусства и дизайна.

шом и с проработкой мельчайших деталей, в каждом штрихе чувствовалась уверенная рука. Горки, столы, книжные шкафы, письменные столы, но иногда – мистер Ченс делал их для собственного удовольствия – попадались и дома. Тедди хотел бы иметь именно такой дом, если б смог заработать на нечто лучшее, чем соседние дома. Ремесленники, которые создают красивую мебель, вырезают изящные буквы и рисуют затейливые узоры на столах, редко зарабатывают много денег. Тедди уяснил это в десять лет, в тот период, когда умерла Маргарет Ченс.

В те времена маммограмму еще не делали. Она обнаружила уплотнение в левой груди, но потом к этому месту больше не прикасалась в надежде, что, если не обращать на него внимания, оно само рассосется. Рак захватил позвоночник, и через полгода Маргарет умерла, несмотря на радиотерапию.

Мистер Ченс сделал для ее могилы надгробие из розового гранита, привезенного из Шотландии, и на этот раз Тедди согласился, что серебряные буквы выглядят изысканнее и больше подходят случаю. Однако слова «любимой жене» и фраза о новой встрече ничего для него не значили; ему нечем было утешить мистера Ченса – по сути, Тедди вообще нечего было сказать, потому что он успел забыть Маргарет Ченс. Альфред не скоро еще взялся за заказы, так что какое-то время мастерская была в полном распоряжении Тедди, который учился, экспериментировал и рисковал.

Никто из Грексов никогда не ходил к врачу. А Тедди не делали никаких прививок. Когда он повредил руку и мистер Ченс на такси отвез его в травмопункт при больнице, ему прежде всего сделали противостолбнячный укол. То был первый укол за всю жизнь Тедди, но он промолчал и проявил полное безразличие, когда игла вошла в тело.

Если Джимми и Элейн что-то и заметили, то ничего не сказали. Кейт же ничего не заметил. Единственной, кто обратил внимание, была Агнес Таунтон.

– Что у тебя с рукой?

– Отрезал себе кончик пальца, – ответил Тедди небрежно, тоном давая понять, что такая мелочь не стоит внимания. – Стамеской.

Агнес Таунтон зашла к ним по дороге из магазина и застала дома только внука. Она не была ни чуткой, ни проницательной, ни душевной. И детей она не любила. Но сейчас, впервые осознав, в каком положении оказался Тедди, она почувствовала себя неуютно. До Агнес дошло, что он почти всегда один, и она сообразила, что никогда не видела Тедди с шоколадкой, пакетиком чипсов или банкой колы в руке, что у него нет игрушек. Вспомнила манеж, в котором тот провел большую часть младенческих лет, как скотина в загоне. Ее воображение сделало противоестественный, беспрецедентный рывок – и тем самым до крайности вымотало ее, – и Агнес каким-то образом поняла, что любая мать, лишись ее ребенок кончика пальца, обязательно рассказала бы об этом своей матери, тут же схватилась за телефон, возможно, разрыдалась бы.

Что ей было делать? Она не могла поднять шум, отчитать Элейн и Джимми; Агнес не хотела поставить себя под удар. Это назвали бы вмешательством, а она никогда не вмешивалась в чужую жизнь. Оставался один выход. По своему опыту Агнес знала, что он – ответ на все вопросы. На деньги можно купить счастье, и если кто-то говорит обратное, то лжет.

– Тебе хватает денег? – спросила Агнес у Тедди.

– Денег?

– Они дают тебе деньги, ну, на карманные расходы?

Оба знали, что «они» не дают. Тедди покачал головой. Он изучал физиономию бабки и недоумевал, как у нее может быть четыре подбородка и ни одной шеи. Когда Агнес наклонилась, чтобы расстегнуть замок на огромной черной сумке, подбородки стали частью ее груди, как у бульдога.

Из красного кожаного кошелька она достала фунт:

– Вот, возьми. Это на неделю. Через неделю получишь еще один.

Тедди взял деньги и кивнул.

– Скажи «спасибо», негодник.

– Спасибо, – сказал Тедди.

Агнес подозревала, что в такой ситуации ей следовало бы обнять и поцеловать Тедди. Но никогда прежде этого не делала, а начинать сейчас было поздно. Кроме того, она чувствовала, что он оттолкнул бы ее или даже ударил. Поэтому просто сказала:

– Тебе придется заходить ко мне за деньгами. Я тебе не девочка, чтобы бегать туда-сюда.

* * *

Кейт, высокий, грузный мужчина, походил на постаревшего Дэвида Ллойд Джорджа; у него была такая же квадратная челюсть, прямой нос, высокий лоб, широко посаженные глаза и «соболиные» брови, как и у этого государственного деятеля. Его внешность дополняли довольно длинные седые, с желтизной, волосы и обвисшие косматые усы. В молодости Ллойд Джордж был красив, как когда-то и Кейт, но годы, переедание и выпивка сказались на его привлекательности, и сейчас, в пятьдесят пять, он выглядел дряхлым стариком.

Было в нем нечто, что вызывало ассоциацию с огарком. Или с фигуркой из воска, оставленной на солнце. Его щеки обвисли, появился второй подбородок. Казалось, Кейт стекает по шее на грудь в стремлении укорениться пышной массой над животом. Из-за таяния – или как еще назвать то, что происходило с ним, – руки и ноги стали тощими, как спички. Его крашенные волосы поредели, но оставались длинными на затылке. Кейт стал собирать их в хвост, стягивая голубой резинкой.

К тому времени, когда Тедди пошел в среднюю школу, Элейн стала заметной фигурой в округе, но все воспринимали ее скорее как нищенку и бездомную, нежели как добропорядочную жену и мать одиннадцатилетнего сына. Одета с головы до ног в собственноручно связанные ею вещи всех цветов радуги – в буквальном смысле с головы до ног, так как Элейн вязала крючком шляпы и туфли, а также платья и плащи, – с длинными, ниже плеч, седыми волосами, выбившимися из-под полосатого головного убора, непрерывно куря, она бродила по магазинам и нередко возвращалась только с одним предметом в связанной ею же авоське. Приходилось снова отправляться в магазин, по дороге Элейн усаживалась у чьей-нибудь ограды, курила и пела ранние хиты из «Кам Хитер» до тех пор, пока ее не начинал бить кашель. Он приводил ее в бешенство, Элейн прекращала петь и вместо этого принималась осыпать прохожих оскорблениями.

Джимми ходил в паб, а еще в пенсионный отдел, чтобы отмечаться, и все. У него была эмфизема, но он об этом не знал, так как не обращался к врачам. Днем Джимми страдал одышкой, а ночью задыхался. Элейн, он и Кейт – все говорили, что курение – на пользу, потому как успокаивает нервы. Стены в доме Грексов и в особенности потолки приобрели темно-охряный цвет, примерно такой же, как пятна на указательных пальцах у Элейн и Джимми. Никто ни разу не делал косметический ремонт и, естественно, не мыл стены.

В школе Тедди делал успехи. Он подавал надежды в рисовании, а позже в таком предмете, который назывался «технология дизайна». Тедди хотел научиться рисовать, но у школы таких возможностей не было, поэтому его учил мистер Ченс. Учил его точности и четкости, а также опрятности. Он заставлял его – снова и снова – рисовать круги и рассказывал историю о «круге Джотто»: как к художнику пришел папский посланник и попросил нарисовать что-нибудь, дабы его святейшество мог оценить его мастерство; а тот не стал ничего придумывать и одним движением кисти нарисовал на листе бумаги идеальный круг. У Тедди так и не получилось нарисовать идеальный круг, но все равно выходило неплохо.

Ему нравилось рисовать, а потом делать всякие вещицы в мастерской мистера Ченса; сначала это было нечто простенькое, затем изделия усложнились, в них появились элементы резьбы. Тедди получил аттестат о неполном среднем образовании и перевелся в шестой класс колледжа, чтобы успеть подготовиться и сдать экзамены на повышенный уровень по искусству, графическому дизайну и английскому.

Дома, естественно, никто не проявлял ни малейшего интереса к тому, чем он занимается в школе, хотя отец уже не раз поднимал шум из-за того, что, мол, пора Тедди бросать учебу и зарабатывать деньги. Он вырос, и трое старших Грексов уже начинали смотреть на него по-новому, как на человека, который может быть им полезен, и как на члена семьи, которого можно использовать. В качестве мальчика на побегушках, посредника между представителями властных структур или газовой компании, кормильца, кухарки и даже уборщицы. То, что до настоящего времени они практически игнорировали Тедди, для них значения не имело. Грексы не подозревали ни о каких упущениях со своей стороны. Однако стали искать расположения Тедди, правда, в мелочах и едва ли осознанно. Элейн специально для него ставила в холодильник банки с колой – только она никогда не обращала внимания на то, что тот терпеть не может холодные напитки, – и все трое предлагали ему сигареты.

Но Тедди редко бывал дома. А если и бывал, то не выходил из столовой. Там он делал домашнее задание или же, подражая мистеру Ченсу, развешивал на стенах свои рисунки. Он сам оправлял их в рамы, собственноручно изготовленные с помощью специальных тисков мистера Ченса. Однажды Джимми забрел в столовую, увидел, что сын сидит на раскладушке и читает «Два пути» Рескина⁴, и спросил, не пора ли тому оторвать задницу от кровати и сходить на биржу труда.

– А почему бы тебе самому не сходить туда? – спросил Тедди, не поднимая головы.

– Не смей так разговаривать с отцом!

Тедди решил, что такое заявление не заслуживает ответа, но через некоторое время, за которое Джимми успел поорать и даже постучать кулаком по пыльному буфету, сказал:

– Я никогда не буду работать «на дядю».

– Что? Что, черт побери, все это значит?

– Ты слышал, – сказал Тедди.

Джимми подскочил к нему, замахнулся, однако был слишком толстым и хилым, чтобы довести начатое до конца, к тому же ор вылился в приступ сухого кашля, который почти согнул его пополам. Он стоял перед сидящим сыном и тяжело дышал, и, чтобы не упасть, ему даже пришлось опереться на Тедди. Тот молча оторвал от толстовки из магазина «Оксфам»⁵ дрожащие руки отца и вывел того из комнаты, придерживая за воротник куртки, как вырывающееся животное – за шкуру.

Но даже Джимми и Элейн знали, что существует безработица. Если Тедди бросит школу, работу он не найдет. Ему придется бездельничать, сидя в столовой, и его присутствие дома ничего хорошего не обещает. К тому же он высок и силен – Тедди вымахал выше ста восьмидесяти сантиметров и, оставаясь худощавым, был мускулист и обладал немалой силой, – поэтому, когда пришли бумаги на его университетский грант, Грексы подписали их и сделали это не без облегчения. Тедди не придется ездить далеко или уезжать из дома. Колледж находится на конечной станции линии «Метрополитэн», до него ехать без пересадок.

Элейн так растолстела, что больше не могла носить помолвочное кольцо. Намазав палец вазелином, она кое-как стащила его. А обручальное осталось на пальце, оно врезалось в плоть и изредка посверкивало золотом, напоминая блестку, зажатую двумя розовыми

---

⁴ «Два пути» – пять лекций Джона Рескина по искусству и архитектуре.

⁵ Независимая международная благотворительная организация, помогающая незащищенным слоям населения.

подушками. Она приступила к *magnum opus*⁶, к делу всей своей жизни – к кружевному покрывалу на их с Джимми двуспальную кровать. Нитку Элейн взяла кипенно-белую, но в скором времени полотно приобрело равномерный желтоватый оттенок, как будто его вымочили в чае.

Кейт поменял «Линкольн» на лимонный «Форд Эдсел-Корсар» выпуска конца пятидесятых. Возможно, американцам того времени не понравилось переключение передач кнопками на руле или их оттолкнул дизайн решетки радиатора, напоминающей рот, который произносит «О!», вместо того чтоб походить на акулю усмешку. Как бы то ни было, проект «Эдсел» с самого начала оказался неудачным, видимо, поэтому Кейт купил свою машину всего за пять тысяч фунтов у одного дилера на юге Лондона.

Несмотря на свой преклонный возраст, до Кейта автомобиль имел всего одного хозяина, тот редко выезжал и накатал всего десять тысяч миль. Однако Кейт все равно разобрал двигатель на детали и снова собрал его. Все то долгое лето он работал в саду, и с шумом, производимым им, уже не соперничал шум от пилы или рубанка на соседнем участке, так как мистер Ченс умер в июле.

У него не было детей, а ближайшим родственником был кузен. Когда он умер, на похоронах только и присутствовал, что этот кузен. Тедди даже не пришло в голову проводить мистера Ченса в последний путь. Его заботило только одно: теперь ему будет негде работать, так как дом наверняка продадут. Беспокойство Тедди слегка уменьшилось, когда он узнал, что мистер Ченс оставил ему все свои инструменты плюс множество деревянных заготовок, краски и рисовальные принадлежности. Он попытался сложить все это в столовой, но, обнаружив, что это невозможно, испытал первый в жизни приступ дикой ярости. Раньше он всегда сохранял хладнокровие, но сейчас злость была горячей и неистовой, от внутреннего кипения его лицо набухло и покраснело, на лбу вздулись вены.

Вся эта мебель в столовой – сплошной мусор, его давно следовало выставить наружу, чтобы он гнил под дождем. Тедди так и сделал бы, если бы смог протащить все это через узкое французское окно. В какой-то момент он был готов выломать, круша стену, это окно, выбить стекла и раскрошить на щепки деревянные переплеты, но осторожность возоблудала над злостью. У них хватит мозгов вызвать полицию, у всех троих. И как только мебель попала в комнату?

Кейт рассказал ему:

– Это мебель моего деда. Он обожал столы и стулья. А буфет – настоящее произведение искусства. Такую мебель уже не делают.

– К счастью, – сказал Тедди.

– Следи за своим языком. Что ты знаешь? Да та мебель, что делал мерзавец Ченс, рядом с этой даже не стояла. Ты хоть знаешь, что этот дом купил мой дед? Он был простым работягой, но ему не приходилось платить никакие коммунальные налоги, он не попал в эту ловушку. Он копил. Он купил этот дом. А потом, когда нашел эту мебель и обнаружил, что та не проходит в дверь, едва не умер от расстройства. Поэтому ее разобрали, а собрали уже внутри. И знаешь, кто это сделал?

– Догадываюсь.

– Ченс был счастлив выполнить эту работу за деньги. Из кожи вон лез.

То было полнейшим крушением иллюзий. Если до этого Тедди и верил, что Ченс другой, то теперь перестал. Люди, как он давно подозревал, все как один подлы и порочны, они гораздо хуже вещей. Предметы никогда не предадут тебя. Они остаются неизменными и являются источником бесконечной радости и удовлетворения. Наверное, есть люди или

---

⁶ *Magnum opus* – (лат.) крупное литературное произведение.

даже человек, о котором можно сказать то же самое, но до восемнадцати лет Тедди таких не встречал.

Что же касается инструментов, то выбора у него не было, и пришлось хранить их в том уголке сада, который не занимал Кейт. Там он ими пользоваться не мог. Он сложил их на газоне и прикрыл пленкой. Если бы Кейт не жил здесь или не ставил сюда машину, он построил бы на этом месте себе мастерскую, как у мистера Ченса.

Но Кейт жил здесь, а вот Элейн вскоре не стало. Она плохо кончила. Когда она была маленькой, мать часто повторяла ей, что та плохо кончит, но даже не предполагала, что конец будет именно таким.

Глава 4

Непослушание спасло Франсин жизнь. Она выжила, потому что плохо себя вела. Во всяком случае, так говорила Джулия. Самой Джулии здесь не было, да и никого не было, кроме нее, матери и, естественно, мужчины, но Джулия всегда все знала. «Он поднялся наверх и искал тебя», – говорила Джулия. Иначе зачем ему было заглядывать во все спальни?

Странность состояла в том, что еще долго после этого Франсин не могла вспомнить, в чем состоял ее проступок. Расшумелась, заупрямилась или нагрубилась? Такое поведение было для нее нетипично, она всегда была совсем другим ребенком. Однако Франсин наверняка сделала нечто, чего не должна была делать – ведь ее мать никогда не отличалась строгостью, она обладала легким характером. Шум или нежелание есть хлеб с маслом никогда не заставили бы ее повысить голос и заявить: «Франсин, ты ведешь себя глупо и беспечно. Ты наказана, иди в свою комнату».

А может, она была именно таким ребенком? Откуда ей знать? То, что произошло в следующие полчаса, перевернуло ее жизнь, сделало другим человеком, и у нее нет возможности узнать, какой она тогда была – упрямой и вредной или такой, как сейчас. Франсин не стала спорить с матерью. Она подчинилась и поднялась наверх, в свою спальню, и закрыла дверь. То был теплый июньский вечер, время приближалось к шести. Она еще не научилась определять время. Отец говорил, что сейчас детям сложнее определять время, потому что есть часы со стрелками, а есть – с цифрами. Но Франсин знала, что время без десяти шесть – так сказала мама, прежде чем отправить ее наверх.

Окно в ее комнате было открыто, и некоторое время она постояла, облокотившись на подоконник, глядя вдаль. Других садов и домов вокруг не было, ближайший находился в четверти мили. Она видела поле, деревья, защитную полосу из плотно посаженных деревьев, а еще дальше – шпиль церкви. На противоположной стороне улицы остановилась машина, но Франсин не обратила на нее внимания, так как машины ее не интересовали, а потом не могла вспомнить, какого она цвета. Она не разглядела водителя и не заметила, был ли в машине кто-то еще.

Вот бабочку в своей комнате она помнит, помнит, как поймала ее, осторожно, чтобы не стереть с крыльев пыльцу, взяла ее большим и указательным пальцами. Это был «красный адмирал», и она выпустила ее наружу, а потом следила, как она летит, пока та не превратилась в точку на фоне голубого неба. Затем Франсин отошла от окна и легла на кровать. Ей стало скучно от одиночества, и она гадала, через сколько придет мама, откроет дверь и скажет: «Итак, Франсин, можешь спуститься вниз».

Но вместо этого позвонили в дверь. Они никого не ждали, поэтому было еще интереснее: кто там – сосед, знакомый? Появление гостя обязательно выльется в то, что ей разрешат спуститься вниз. Она спрыгнула с кровати, подбежала к окну и выглянула. Сверху можно было увидеть того, кто пришел, во всяком случае, его макушку. Однажды она увидела абсолютно лысую чью-то голову, белую и блестящую, как луна. Эта же макушка была другой – с волосами, с копной каштановых волос. Франсин не удалось ничего разглядеть, кроме нее и начищенных коричневых ботинок.

Мама открыла дверь. Наверняка она, потому что больше некому было это сделать. Дверь закрылась. Франсин слышала, что дверь закрылась очень тихо. Сначала голосов не было, а потом она услышала его голос. Резкий, негромкий, но сердитый, очень сердитый. Это удивило Франсин: кто-то приходит в их дом и сердится на ее маму, кричит на нее. Она слышала голос матери, но не разобрала слов, та говорила спокойно, твердо. Мужчина спросил у нее что-то. Франсин прижала ухо к двери. В следующее мгновение ее мама закричала: «Нет!»

Только это, только короткое «нет», а затем выстрел. А за ним еще выстрелы. Она слышала их по телевизору, поэтому знала, как они звучат. Но вот когда раздался крик – перед первым выстрелом, или между ними, или сразу же после, – она так и не смогла вспомнить. Что-то упало – вероятно, перевернули что-то из мебели, стул или, скорее всего, маленький столик, потому что это что-то с грохотом покатилося, а потом зазвенело разбитое стекло. Потом были звуки, которые Франсин никогда прежде не слышала – глухой стук падения, тяжелое дыхание, сдавленный стон – и еще один, который она слышала, – скулеж; так скулил щенок ее подруги, когда его оставляли дома одного. А потом был еще один выстрел, последний.

Франсин прикинула, можно ли вылезти в окно. Она подошла к подоконнику, выглянула и поняла, что слишком высоко. К тому же в саду не спрячешься, а она знала, что нужно спрятаться как можно скорее. Джулия говорила, что она спряталась, потому что инстинкт подсказал ей, что мужчина поднимется наверх и будет искать ее, чтобы тоже пристрелить. Но в тот момент Франсин точно так не рассуждала. Если бы ей понадобилось объяснить, зачем прячется, она бы сказала, что все дети, как животные, инстинктивно прячутся, если возникает какая-то опасность.

У двери она прислушалась. Судя по звукам, что-то тащили по полу. Такой звук получается, когда по ковровому покрытию тащат скатанный ковер. Один раз – всего только один – за ее короткую жизнь Франсин видела, как плачут взрослые. Плакала мама, когда умерла ее собственная мать. Этот звук, плач взрослого, был гораздо страшнее, чем плач ребенка, и именно его издавал мужчина. Он пугал сильнее, чем выстрелы и звук волочения. Франсин забралась в шкаф.

В шкафу на вешалках висела ее одежда, на полу стояла обувь. Еще там была картонная коробка с игрушками, с которыми Франсин давно не играла, так как уже выросла. Она сдвинула обувь к коробке и села на пол. Сначала ей показалось, что закрыть дверцу изнутри не получится, так как нет ручки, но потом она обнаружила, что можно притянуть ее, ухватившись пальцами за нижний торец, над ковром. Вот оно, преимущество ее семи лет – пальчики-то тоненькие. Будь Франсин старше, она не смогла бы закрыть дверцу и тот мужчина нашел бы ее, войдя в комнату. Так говорила Джулия.

Он вошел. Сначала слышались шаги на лестнице. Ее комната располагалась у площадки, поэтому оказалась первой, куда он вошел. Вошел, огляделся, ушел. Франсин слышала, как он ходит по комнате родителей, выдвигает ящики и вываливает их содержимое на пол. А потом бросает следом сами ящики. Франсин заледенела от страха, ее зубы стучали так же, как в прошлом году, когда она искупалась в холодном море. Мама тогда завернула ее в большое пляжное полотенце и в папину куртку. А сейчас согреть ее было некому.

Франсин услышала, как он сбежал вниз. И очень тихо закрыл за собой входную дверь. Так люди делают по ночам, когда не хотят будить спящих. Но ее мама не спала. Она была мертва. Только в тот момент Франсин еще об этом не знала – не понимала, что такое смерть. Однако, прокравшись вниз и увидев мать, лежащую на полу в холле, сразу поняла, что мужчина причинил ей большой вред и вред этот непоправим.

Франсин опустилась на колени рядом с матерью, взяла ее за руку и потянула на себя. Странно, тогда она не заметила кровь. Наверное, потому, что у мамы были темные волосы, а ковер был темно-красный. Уже потом она вспомнила, что кровь была, – Франсин погладила маму по голове, а когда отняла руку, то пальцы и ладошка были красными, как будто их покрасили мягкой кисточкой. И кто-то из тех людей, которые приехали позже – мужчин в форме, полицейских, врачей «Скорой», – сказал, что она сидела в луже крови, а ее школьная юбка вся пропиталась ею.

Скоро должен был вернуться отец. Обычно он приходил домой в семь или без четверти семь. Франсин посмотрела на часы и увидела, что стрелки указывают на нечто непостижи-

мое. Только в тех случаях, когда стрелки указывали точно вверх или точно в стороны, она могла представить, какой сейчас час. Франсин сидела на полу рядом с мамой и наблюдала за часами, пытаясь понять, почему нельзя заметить, как движутся стрелки. Но стоит только ненадолго отвести взгляд, а потом опять посмотреть на часы, как сразу становится видно, что стрелки сдвинулись.

Зубы перестали стучать. Все вокруг остановилось. Мир. Жизнь. Но не время, потому что, когда Франсин опять посмотрела на часы, одна из стрелок успела подняться вверх и указывала вбок, влево. Право от лево она отличать умела.

В замке очень похоже на царапанье мышки зацарапались отцовские ключи, дверь открылась, и вошел папа. Стоя в холле, глядя перед собой, Ричард Хилл издал звук, совершенно не похожий на те звуки, которые она когда-либо слышала. Франсин даже не смогла описать его, уже потом, когда к ней вернулся дар речи; он был слишком пугающим и слишком инородным, нечеловеческим, и напоминал рев одинокого животного в дебрях.

Франсин не смогла заговорить с ним. И ничего не могла ему рассказать. Вовсе не потому, что ее голос был слабым, хриплым или шелестящим, как у мамы, когда та болела ларингитом. У Франсин вообще не было голоса, и слов тоже не было. Когда она открывала рот, шевелила губами и языком, ничего не происходило. Как будто она разучилась говорить или просто никогда не умела.

Ричард Хилл поднял дочь на руки, назвал «своей малышкой», сказал, что он с ней, что вернулся домой и никогда не оставит ее одну. Даже в тот момент он нашел в себе силы сказать, что все будет хорошо, что всегда защитит ее и с ним ей ничего не грозит. Но Франсин не смогла ответить, только повернула к нему застывшее лицо с округлившимися глазами. Как Ричард Хилл ей сказал потом, ее глаза стали раза в два больше, чем обычно.

* * *

С ней работали психологи. Не Джулия, она с ней тогда еще не работала. Уже позже Франсин поняла, как осторожны и внимательны они были. И полицейские тоже. Никто не давил на нее, не проявлял ни малейшего нетерпения. Психологи давали ей кукол, с которыми она могла поиграть, и много лет спустя она поняла, что они делали это в надежде, что Франсин бессознательно разыграет события того вечера. Кукол было три: мужчина, женщина и маленькая девочка.

Франсин никогда не любила играть в куклы.

— Она не любит кукол, — сказал им Ричард Хилл, — никогда не любила.

Но куклы были общепризнанным инструментом, посредством которого дети выражали себя и свой жизненный опыт перед психологами. Если б те дали ей игрушечных зайчиков или собачек, она, возможно, и сумела показать что-нибудь, но они этого не сделали. Иногда приходили полицейские и разговаривали с ней. Женщины-офицеры казались очень добрыми и ласковыми, настолько добрыми и ласковыми, что вызвали у нее подозрения.

Франсин понимала, почему те расспрашивают ее. Они хотят поймать того мужчину, который убил ее маму. Разговаривать с ними она не могла, писать не умела — только свое имя, читала только простые слова, так что общения не получилось. Лишь через много лет Франсин обнаружила, что подозревали ее отца. Целых два дня они считали, что Ричард Хилл виновен в убийстве.

Он был мужем убитой. А если в семье происходит убийство, первыми подозреваемыми становятся члены семьи. Полицейские задавали вопросы и вели себя с ним осторожно. Потом подозрения сняли. Двое мужчин, один из них совсем чужой, пришли и заявили, что ехали вместе с ним в поезде от Ватерлоо в период с шести до двадцати пяти минут седьмого.

– Думаю, вы знакомы с мистером Грейнджером, – сказал ему детектив-инспектор. – Вы видели его в поезде, он пришел по собственной инициативе и заявил, что видел вас.

– Я спросил, как поживает его жена, – заметил Ричард. – Она болела.

– Да, он нам так и сказал. Сам, хочу добавить. Он поздоровался с вами, и вы спросили его о жене. Другой мужчина – это мистер Дэвид Стенарк. Он знает вас в лицо.

– Я с ним не знаком.

Детектив-инспектор Уоллис проигнорировал эти слова.

– Он тоже пришел по собственной инициативе, чтобы заявить, что ехал с вами в поезде и видел вас там.

Годы спустя Ричард, отвечая на вопросы Франсин, рассказал ей все это. Он рассказал Джулии, что сделал для него Дэвид Стенарк.

– Он спас мне жизнь.

– Не жизнь, дорогой, – возразила Джулия.

– Ну, свободу.

– На самом деле он избавил тебя лишь от нескольких дней серьезных неудобств.

Джулия всегда говорила то, что есть на самом деле.

После того как жизнь и свобода Ричарда не подвергались более нападкам, настал период неопределенности. Это был период молчания и тишины. Франсин не ходила в школу, а Ричард – на работу. Они все время были вместе, днем и ночью. Он перенес ее кровать в свою спальню, читал ей, не отходя от нее ни на шаг. Что еще он мог сделать? Ричард был готов на все. На какой-то период главной его целью стало возвращение Франсин к нормальной жизни. Он купил ей котенка, белого перса, и даже некоторое время помогал ей, тиская его и наблюдая за его игрой; в те дни она даже изредка улыбалась. Но однажды котенок поймал птичку и принес ей в качестве подарка, положив к ногам. У мертвой птички были темные перышки, с них капала кровь; ее затрясло, Франсин не отрываясь смотрела на нее, смыкая и размыкая руки. Котенка пристроили в хороший дом – это был единственный выход.

Никто не хотел покупать их дом, хотя тот был очень красивым, настоящий дворянский особняк с почти трехвековой историей. Потенциальные покупатели практически не замечали ни решетчатых окон, ни ухоженного сада, ни зелено-золотисто-красного винограда, увивавшего фронтон, ни того, что от Лондона дом отделяло всего три мили. Все они знали, что произошло, и приходили поглазеть на место преступления либо ответить самим себе на вопрос, смогут ли они жить здесь с сознанием всего этого. Одна женщина принялась внимательно разглядывать пол в холле, как будто выискивала пятна крови.

В конечном итоге дом был продан значительно дешевле своей рыночной стоимости.

* * *

Так как Франсин не могла говорить, почти не умела читать и писать, то практически не общалась с людьми. Она не могла рассказать отцу о видеокассете или написать, что нашла ее. Могла просто отдать ее ему, но по какой-то причине этого не сделала. Уже тогда, несмотря на юный возраст и немоту, Франсин чувствовала, что с кассетой что-то не так и что та сильно расстроит отца. Наверное, это объяснялось тем, что кассета была слишком тщательно спрятана.

Франсин была уверена: этот тайник – ее открытие и только ее; отец не знает о нем, как и мама. В стене, по которой проходила дымовая труба, был шкаф, его называли «шкафом для париков», потому что в давние времена глава семьи, жившей в этом доме, снимал парик, прежде чем лечь спать, и клал его на ночь в шкаф. Мама держала там коробку со швейными принадлежностями и ножницы. Пол шкафа был сделан из досок. На первый взгляд казалось, что они плотно прилегают друг к другу, но стоило определенным образом нажать на одну из

них, как та слегка приподнималась, можно было ухватиться за нее и вытащить. Под доской была небольшая выемка.

Когда Франсин впервые обнаружила ее, внутри ничего не было. Тогда она потянулась за ножницами, случайно нажала рукой на секретную доску, и та приподнялась.

Мама увидела ее с ножницами, не рассердилась, но была очень недовольна.

– Нельзя брать ножницы без разрешения, Франсин. Ты еще маленькая, чтобы самой ими пользоваться.

Так что же она натворила? За что ее отправили в комнату? Взяла ножницы без разрешения?

Наверное. Между прочим, Франсин никогда ничего не прятала в тот тайник. Она больше никогда не поднимала секретную доску вплоть до того дня, когда они уезжали из дома. В день отъезда она собирала свои вещи и заглянула в шкаф для париков, но маминой коробки для шитья и ножниц там уже не было. Ричард Хилл разговаривал в саду с грузчиками, так что ее никто не видел. Франсин сунула руку в выемку и нашла там видеокассету. Вернее, прямоугольную пластмассовую коробку для видеокассет.

Снаружи была наклеена картинка с несколькими крупными печатными буквами. Она смогла прочитать только «по», и все. Франсин положила видеокассету в сумку, где были сложены ее самые ценные вещи, те, которые она не хотела отправлять в кузове грузовика, а собиралась взять с собой в машину.

Они переезжали в дом, который кардинально отличался от прежнего. Во-первых, он был лет на двести моложе. Большой, типичный для городской окраины, дом стоял на широкой улице в Илинге. По ней ходили автобусы и ездило много машин. Соседние дома по обе стороны примыкали к дому вплотную, а вдоль улицы стояло еще множество таких же домов. У этого номер был двести пятнадцать. Этот район не принадлежал к тем, где человек может спокойно подняться на крыльцо, войти в дом и убить из пистолета чью-то маму.

Через два дня после переезда в новый дом Франсин снова заговорила.

* * *

Прошло примерно девять месяцев с убийства. Она уже давно распаковала ту сумку и, даже не открыв коробку с видеокассетой, поставила ее на полку вместе с книгами. Они с отцом все еще разбирали коробки, и в одной из них, среди расчесок, щеток и заколок для волос, в жестяной банке из-под шоколадных бисквитов, Франсин нашла осколки пластинки, сингла «Кам Хитер» «Заштопанная любовь».

Ричард расплакался, когда увидел ее. Слезы катились у него по щекам.

– Она так любила ее, – сказал он. – Ей очень нравилась эта песня. Мы когда-то танцевали под нее.

И Франсин, которая за девять месяцев не произнесла ни слова, четко и не без удивления произнесла:

– Это я ее разбила. Это я.

Мгновенно забыв о печали, Ричард радостно завопил, подхватил дочь на руки и прижал к себе. Что было, вероятно, неблагоразумно, потому что могло напугать ребенка, но ничего не мог с собой поделать. К тому же в данном случае ничего страшного не произошло и говорить дочка не перестала.

– Она была в проигрывателе, – сказала Франсин. – Мама говорила, что снимать ее нужно аккуратно, но я была неосторожна и уронила ее, она разбилась, и мама отправила меня наверх. Теперь я вспомнила.

– Дорогая моя, – произнес отец, – солнышко мое, ты говоришь.

Снова вернулись психологи со своими куклами. И добрые и ласковые женщины-офицеры – тоже. Они показывали Франсин сотни фотографий машин и прокручивали десятки записей с мужскими голосами. Мысленным взором она видела машину, припаркованную на обочине, под нависающими ветками, но видела ее как на черно-белом снимке. Та с одинаковым успехом могла быть и зеленой, и красной, и синей. Франсин она виделась бледно-серой, как трава и небо. Она помнила макушку мужчины, коричневую, как шерсть у кролика, и блестящие коричневые ботинки.

У Франсин была большая комната в задней части дома, с окнами, выходившими в сад, где стояли качели и беседка, росли яблони и откуда были видны сады соседей. У нее была своя ванная, называемая смежной, и совершенно новая мебель. Какое-то время, пока делали ремонт в ее спальне, она жила в маленькой комнате в передней части дома; и несколько раз, выглядывая в окно, видела мужчину, стоящего на крыльце, видела его ботинки и его макушку и начинала кричать: «Это он! Это он!»

Один раз это был почтальон, в другие разы – Дэвид Стенарк и Питер Норрис, которые жили по соседству. Папа очень расстраивался, когда такое случалось, а позже Франсин узнала, что он тогда сказал полицейским и психологам, чтобы те перестали задавать ей вопросы. Они должны прекратить расследование. Джулия согласилась с ним. Это вредит Франсин и травмирует ее. Они должны закрыть дело.

Но те не сделали этого. Во всяком случае, долго не закрывали. Они найдут его, говорил детектив-инспектор, чего бы это им ни стоило. У них была своя версия. Повод для убийства, который они выдвинули, и мотив того мужчины ужаснул Ричарда Хилла. Его охватил такой дикий стыд, такие сильные угрызения совести, что он сотню раз пожалел о том, что те вообще сказали ему об этом.

Глава 5

Через неделю после убийства без приглашения пришел Дэвид Стенарк, чтобы проведать Ричарда. Тот остановился на крыльце, – довольно привлекательный мужчина его возраста, с тревожным выражением на лице. Стенарк протянул руку и объяснил, кто он такой.

– Я тот человек из поезда, вы меня не знаете.

Всегда мягким и сдержанным Ричардом в тот период владели горечь утраты и растерянность, и он вдруг закричал на Дэвида:

– Вы пришли за благодарностью? За этим? Вам нужна моя признательность?

Стенарк спросил:

– Вы позволите мне войти?

– Вы не понимаете, каково мне, – возмущался Ричард, – и никто не понимает. Тот, кто не прошел через такое, не знает, каково это – быть подозреваемым в убийстве той, которую... – Его голос дрогнул, и он отвернулся, прежде чем сбивчиво договорить: – Которую любил больше жизни.

– Могу себе представить.

После этого Дэвид вошел в дом, и мужчины разговорились. Вернее, разговорился Ричард, а Стенарк слушал, и слушал целых два часа, а потом сказал Ричарду, что тоже потерял любимую женщину, что она умерла насильственной смертью. Прошло несколько месяцев, и между ними возникли дружеские отношения, прежде чем Ричард рассказал ему о давившем на него грузе вины и том позоре, с которым ему приходится жить.

* * *

Флора Баркер, няня, присматривала за Франсин, пока ее отец был на работе или в командировке.

Девочка вернулась в школу. Вернее, пошла в новую школу в совсем новом районе и подружилась с новыми ребятами. Франсин отставала от класса, но быстро нагнала всех, потому что была умной. И еще ей нравилась Флора. Ричард очень мудро подходил к подбору человека, которому предстоит воспитывать его дочь и в какой-то мере заменить ей мать. Флора была одним из немногих его мудрых решений.

Она принадлежала к тем женщинам, которые мгновенно находят общий язык с детьми; такие женщины не только добры, терпеливы и нежны, но еще и искренне любят детей, получают удовольствие от их общества и общения с ними. Такие люди никогда не разговаривают с детьми в приказном тоне, они слишком бесхитростны и хорошо сознают свое простодушие, чтобы разговаривать с кем-либо свысока, хотя и умеют вести себя покровительственно. Они никогда не высокомерничают, не злоупотребляют властью и не пользуются служебным положением в личных целях.

Флора говорила так: «Мне нравится это новое печенье, вкусное, правда? И оно не дороже других. Давай съешь еще одно, и я вместе с тобой». Или: «Давай включим телик. Вот что я тебе скажу: если ты согласишься вместе со мной «Жителей Ист-Энда», то я вместе с тобой посмотрю передачу про львов».

Она была мастером компромиссов.

– Если ты научишь меня складывать мозаику, я научу тебя вязать. У меня никогда не получалось сложить мозаику.

– Но это же просто!

– И вязать просто, когда умеешь. Вот что я тебе скажу: если ты споешь со мной одну из школьных песенок, я напеку к чаю блинов.

Джулия Грегсон была рыбой из другого водоема. Это Флора так выразилась о ней, и Ричарду очень не понравилось сравнение с рыбой. Он сказал, что это грубость. Но Джулия действительно похожа на рыбу, сказала Франсин. Не на дохлую, покрытую слизью макрель или треску, которые можно увидеть на прилавке в супермаркете, а на яркую, здоровую, юркую рыбку, очень красивую, например на шубункина или на карпа кои. Ее лицо отличали высокий лоб и длинный нос, и вся она была золотисто-бело-красной. Кожа Джулии сияла белизной, волосы отливали желтизной, а широкий изогнутый рот был выкрашен в алый, как и ногти на руках.

Ее порекомендовал Дэвид Стенарк. Она работала детским психологом, или педопсихиатром, как она выражалась. Дэвид предложил Франсин встретиться с ней, так как Ричард иногда жаловался своим друзьям, что его дочь слишком замкнута, все время занята своими мыслями и что ей надо бы выйти из этого состояния. Сначала он сомневался. Твердый приверженец систематического образования, Ричард недоумевал, каким опытом излечения сознания может обладать женщина, имеющая всего лишь квалификацию учителя и сертификат об окончании ускоренных курсов воспитателей. Он всегда с осуждением относился к дыре в законодательстве, которая позволяла любому желающему называть себя психотерапевтом и практиковать в этой области, не имея медицинского образования или профессиональной подготовки по психиатрии. Однако все изменилось, когда он познакомился с Джулией.

Ее манеры были настолько уверенными, слова – настолько успокаивающими, а само появление в доме – настолько удачным и в нужный момент, что через пять минут общения все начинали полностью доверять ей. Или так казалось Ричарду. И он не раздумывая отдал Франсин в ее руки.

Джулия заставила девочку играть в куклы. От этих кукол никуда не деться, иногда говорила себе Франсин. Однако вряд ли можно было ожидать, что здесь, в уютной гостиной с видом на Баттерси-парк, она через игру вытащит из подсознания то, что имело отношение к убийству матери; через движения кукол и их общение друг с другом Франсин могла показать лишь свои глубоко запрятанные детские тайны. Джулия наблюдала за ней и иногда что-то записывала. Она много разговаривала с девочкой, но не так, как Флора, – о книгах, которые та читает, о передачах, которые смотрит по телевизору, о покупках или том, что приготовить на ужин, кто из подружек больше всех нравится Франсин, и о подругах самой Флоры.

Джулия задавала вопросы:

– Франсин, почему тебе это нравится?

– Просто нравится, – отвечала Франсин.

– Ну почему тебе нравится мороженое?

– Не знаю. Просто нравится.

– Тебе хочется, чтобы произошло какое-нибудь событие? Какое именно?

Франсин знала, но отвечать не хотела.

– Если бы у тебя было три желания, что бы ты загадала?

Три желания Франсин состояли в том, чтобы тот мужчина не приходил, чтобы ее мама не умерла и чтобы все трое снова жили в старом доме. И, возможно, чтобы по соседству с ними жила Флора. Ей не хотелось рассказывать об этом Джулии. Та наверняка и сама об этом знает, все знают, потому что это очевидно. Но теперь Франсин умела читать, в чтении у нее были большие успехи, и прежде чем прийти к Джулии на этот сеанс, она читала книжку, в которой герой признавался, что боится преследований пиратов, чьи сокровища он выкопал. История была написана очень живо и неплохо сохранилась в ее памяти.

– Я хочу быть в безопасности, – ответила она, цитируя. – Не хочу, чтобы они до меня добрались, я не хочу, чтобы они меня нашли.

Джулия помрачнела, кивнула и сказала, что на сегодня хватит и скоро за ней придет папа. Тот пришел, и они с Джулией тихо разговаривали наедине, а Франсин сидела в соседней комнате и смотрела тщательно отобранное детское видео. Спустя некоторое время отец усадил ее в машину и повез домой. За день Франсин назадавали кучу вопросов, и он стал задавать новые. Нравится ли ей Джулия? Чувствует ли она себя с помощью Джулии счастливее? Одиноко ли ей, когда его нет дома?

– У меня есть Флора, – сказала она. – Мне нравится Флора.

Он уехал в командировку в Глазго, Франсин отправилась в школу, а после уроков у ворот ее встретила Флора.

– Тебе не страшно на улице? – спросила няня, когда они шли домой.

– Нет. С какой стати?

– Папа сказал, что у тебя есть страх перед открытыми пространствами, – ответила та.

Дома, в своей комнате, Франсин взяла книжку с полки. Это были сказки Ральда Даля, которые подарила ей Флора; она их еще не читала, а вот сейчас захотелось. Рядом с книгой стояла коробка с видеокассетой.

Франсин не замечала ее целый год, с тех пор, как поставила сюда. Тогда она не умела читать, а сейчас могла прочитать что угодно – ну, из того, что было написано печатными буквами. Крупная надпись на яркой наклейке с той части коробки, что напоминала обложку книжки, те буквы, среди которых раньше она могла разобрать только «по», сейчас сложились для нее в слова: «Путешествие по Индии». На картинке была пещера, а у входа – мужчина в чалме и старушка. Франсин открыла коробку, но видеокассеты там не оказалось.

Вся коробка была забита исписанными листками бумаги. Не напечатанным текстом, а рукописным. Франсин внимательно посмотрела на него, но не смогла прочесть ни слова. Вот взрослые умеют читать рукописные тексты, хотя ей трудно представить, как это им удастся. Правда, большой надобности в этом нет. Флора говорит, что сейчас уже не пишут от руки, только списки покупок и записки молочнику. Все остальное печатается на компьютере. Но этот человек писал ручкой на листках из блокнота, который можно купить в газетном киоске, а потом кто-то из тех, кто жил в старом доме, сложил все это в коробку и спрятал. Не Франсин и не отец, почему-то она это знала точно. Значит, мама вынула из коробки кассету с «Путешествием по Индии», положила туда листки и спрятала в выемке под полом в шкафу для париков.

Франсин больше не делала попыток прочитать записи. Она поставила коробку обратно на полку, где та и простояла долгое время.

* * *

В мире существуют люди с очень развитым интеллектом и великолепными мыслительными способностями, но при этом начисто лишенные здравого смысла. Они плохо оценивают людей и ситуации, недалёковидны, хотя одновременно и очень умны, но и очень глупы. Именно таким был Ричард Хилл.

Он убил свою жену. Не с помощью оружия, не по злому умыслу, а, как считал, своим бездумным тщеславием. Его похвальба собственными достижениями привела к ее смерти.

Старший детектив-инспектор, ведущий дело, рассказал о мотиве убийцы и тем самым лишил Ричарда того душевного покоя, который ему с трудом удалось обрести. Преступление, совершенное против его жены, было связано с наркотиками и, вероятнее всего, стало результатом путаницы в личной информации и чудовищного совпадения. Он, Ричард, значился как доктор Хилл, но докторскую степень получил в философии, а его дом стоял на

Орчард-лейн. Другой доктор Р. Хилл, доктор медицины, живший в десяти милях на Орчард-роуд, хранил в доме крупные суммы денег – это были «левые» доходы, хотя полиция об этом не говорила, – которые платили ему определенные частные пациенты. Преступник, как подозревается героинщик, который в момент убийства находился под действием наркотика, перепутал двоих мужчин. Вероятно, почти извиняющимся тоном произнес старший инспектор, нашел адрес Ричарда в телефонной книге.

И с тех пор Ричарда стали мучить угрызения совести из-за этого «д-р» перед его фамилией в телефонном справочнике. Ведь никакой надобности в этом не было. Для его профессии и успешного продвижения на службе вовсе не требовалось, чтобы все без исключения знали, что он доктор философии из Оксфорда. Ричард заказал, чтобы перед фамилией поставили «д-р», только из гордыни. Он хвастался своими достижениями и званием, которое те давали, и этой ненужной похвальбой погубил свою жену.

Однажды вечером, выпивая вместе с Дэвидом Стенарком, Ричард рассказал ему о своих чувствах. В ответ тот не сказал ничего утешительного. Ни слова о том, что Ричард зря винит себя или ему нечего стыдиться и нужно выбросить из головы все такие мысли. Ричард ожидал, что тот все это скажет, и даже надеялся на это. Слова Дэвида: «Тебе придется с этим жить. Что тут скажешь? Время лечит» – расстроили его.

– Значит, ты думаешь, это моя вина? И правильно, что меня мучают угрызения совести?

– Любой мало-мальски ответственный человек в твоей ситуации испытывал бы чувство вины, – сказал Дэвид и улыбнулся, вероятно, чтобы немного смягчить свои слова. – Ведь это из-за тебя тот человек проник в ваш дом. Непосредственно из-за тебя и твоих действий. Ты называешь это тщеславием, но можно сказать мягче: это было свидетельством совершенно оправданной гордости своими достижениями. Как это ни называть, в результате тот мужчина убил твою жену. Мы не можем предвидеть, к чему приведут наши действия. Возможно, если бы мы могли, то не высовывались бы, положили бы ручку на стопку бумаги и даже не вставали бы с кровати по утрам. Однако это невозможно, поэтому остается одно: всегда тщательно обдумывать то, что делаешь.

– Избегать семи смертных грехов? – спросил Ричард.

Ему очень не понравилось, когда Дэвид кивнул и тоном пастыря произнес:

– События, подобные этому, показывают, почему гордыня – один из них.

После того дня в дружбе двоих мужчин появилась холодность, и хотя они продолжали изредка видаться, атмосфера была уже другой. Их отношения исправились, когда оба женились и их жены сблизились. Вместо Дэвида Стенарка Ричард стал жаловаться на свои проблемы Джулии, и ее реакция его более-менее удовлетворяла.

Она была – во всяком случае, по собственным оценкам, – детским психотерапевтом, но Ричард, не проникшись непоколебимой верой в психотерапию любого типа, считал, что это не имеет значения. В его сознании эти два убеждения уравнивали друг друга: с одной стороны, он считал, что психотерапия – это чушь, а с другой, что Джулия, такая привлекательная, понимающая, спокойная и уверенная, должно быть, хороший психотерапевт. По сути, говорил себе Ричард, она единственная из своего племени, кому он может доверять.

Джулия не имела ничего против того, чтобы работать с ним как с клиентом. Взрослый – это более интересный случай, чем ребенок. Когда взрослый и привлекательный мужчина открывает тебе тайны своего сердца, а ты сидишь рядом с ним в теплой комнате с мягким светом от одной настольной лампы, – это еще более увлекательно, чем наблюдать за тем, как ребенок играет в куклы. И Ричард обнаружил, что может рассказывать Джулии что угодно, практически все. Она слушала, никогда не перебивая. Ставила локоть на подлокотник дивана, опираясь слегка скошенным подбородком на ладонь, склоняла голову набок, приоткрывала рот с красивыми рыбьими губами и слушала. Иногда кивала, причем так,

чтобы дать понять: те ужасы, в которых он признается, те слабости и капризы, – все это доступно ее пониманию. Джулия знает, понимает и все прощает.

Ричард рассказал ей о своем тщеславии, которое привело к тому, что в телефонной книге он был обозначен как доктор Хилл, и о том, как потом винил себя в смерти жены.

– Первым делом ты должен понять, – сказала Джулия, – что вина – это часть тяжелого и грязного груза, который мы, люди, должны с собой нести. Часто он не имеет прямого отношения к реальности, но было бы странно, если б его у тебя не было. А если я скажу, что ты психопат, раз не чувствуешь вины? Как ты на это посмотришь?

Ричард рассказал ей, как они с женой отдалились друг от друга в последние месяцы перед ее смертью, как она охладела к нему, а он все больше времени стал проводить вне семьи и занялся карьерой. Теперь он упрекал себя и за это, что не удосужился спросить, поговорить.

– Чего бы тебе хотелось больше всего на свете? – спросила Джулия.

Ему не надо было задумываться над этим вопросом.

– Изменить все. Вернуться назад и сделать все по-другому.

– Но реальность такова, что ты этого не можешь. И никто не может. Если бы у тебя было три желания, три приемлемых, осуществимых желания, что бы ты загадал?

– Защитить Франсин, – ответил он. – Чтобы она жила в безопасности и без эмоциональных травм. Спать по ночам так, как я спал раньше.

– А третье желание?

До того момента Ричард не знал, в чем состоит его третье желание. Оно пришло к нему, как луч света, пронзивший темную комнату. Однако пока раскрывать его он не мог. Он лишь посмотрел на Джулию, покачал головой и сказал:

– Когда-нибудь я тебе расскажу.

Она улыбнулась, убрала руку из-под подбородка и накрыла его руку.

– Время закончилось, Ричард. Ну что, до следующей недели? В тот же час на том же месте?

– Естественно.

Франсин пришла к ней на следующий день, ее привела Флора.

– Настало время, Франсин, поговорить о том дне, – сказала Джулия.

Что она подразумевала под «тем днем», девочка поняла сразу. Она никогда не говорила о нем с Джулией, хотя практически со всеми обсуждала его не раз. Девочка предпочла бы отогнать его от себя, похоронить в прошлом, с тем чтобы он возвращался только во снах. Джулия сказала, что это будет неправильно. И тот день нужно подробно обсудить.

Франсин была послушным ребенком, тихим и ласковым, и ей очень хотелось, чтоб отец был счастлив. Она безропотно согласилась ходить к Джулии, потому что так пожелал папа. Но девочке отчаянно не хотелось говорить с ней о том дне.

– Ты думаешь, что тот мужчина найдет тебя, не так ли, Франсин?

Это никогда не приходило ей в голову.

– Я знаю, по какой причине ты не хочешь говорить об этом. Потому что ты боишься, что тот мужчина найдет тебя. Я права?

Франсин старалась не заплакать, но не смогла и не справилась с собой.

Джулия обняла ее и прижала к скользкой белой атласной блузке, довольно долго нежно глядя по голове.

– Я не допущу, чтобы кто-то причинил тебе вред. И твой папа этого не допустит. Ты ведь теперь знаешь это, правда?

* * *

Прошел почти год, прежде чем Ричард понял причину внезапного решения Джулии оставить практику, продать дом и переехать. Все это время ему казалось, что эти события ниспосланы ему Богом или что это замечательное совпадение. Однажды в субботу вечером, когда они с Франсин были вдвоем и, поужинав, прослушали CD с «Путеводителем по оркестру для молодежи» Бриттена, он сказал:

– Солнышко, я хочу кое-что спросить у тебя. Это очень серьезно.

– О том дне? – спросила Франсин.

Ричард понял, что она имеет в виду, и опешил. Неужели ему грозит забыть, как сильно прошлое ее угнетает?

– Нет, не об этом. О том дне было сказано все, что можно, так что говорить не о чем.

Франсин кивнула, затем, как бы с запоздалым сомнением, пожала плечами.

– Я хочу спросить тебя совсем о другом. О будущем, а не о прошлом, о том времени, которое наступит. – Ричард выждал, затем сказал: – Что бы ты сказала, если бы я женился?

– Женился?

– Я хотел бы жениться. Я никогда не забуду твою маму, ты это знаешь. И никогда не перестану любить ее. Но я хочу снова жениться, причем и ради тебя тоже. Полагаю, ты догадываешься, на ком?

– На Флоре?

Ее предположение, настолько неправильное, насколько это было возможно, почти разозлило его. Франсин всего лишь ребенок. И все же, ожидать, что он женится на толстом чучеле с перманентом и красными руками, на женщине с бристо́льским говором, некогда бывшей няней государственного масштаба...

– Это Джулия. – Он сохранял терпение. И даже улыбнулся, правда, не глядя открыто на нее. – Я еще не сделал ей предложение. Я прошу твоего разрешения, Франсин, и спрашиваю, моя дорогая девочка, можно ли мне жениться на нашем добром друге Джулии?

Родитель, который спрашивает у ребенка разрешения снова жениться или выйти замуж, все равно исполнит задуманное, каков бы ни был ответ. Если ответ «да», дело сильно облегчается. Франсин этого не знала, но интуитивно чувствовала. Будь она лет на пять старше, то ответила бы: «Я не имею права мешать тебе» или «Делай, как считаешь нужным, это твоя жизнь». Но ей было всего девять, и она очень хотела видеть отца счастливым.

Однажды Франсин уже онемела, ее и сейчас иногда охватывал страх, что немота может вернуться, хотя никогда в этом не признавалась. Что в один день она проснется и не сможет сказать ни слова. До сих пор такого не случалось. Сейчас же неспособность произнести ответ вслух стала результатом осознанного выбора. Франсин молча посмотрела на отца и кивнула.

Глава 6

Все свое детство Тедди раз в неделю заходил к бабушке за карманными деньгами. Они оба, от природы или в результате воспитания, обладали холодными темпераментами и были нелюдимыми. Агнес Таунтон испытала облегчение, когда умер ее муж, и говорила об этом без стыда. В ее доме больше не обитал тот, чьи желания неизменно не совпадали с ее собственными и кто периодически требовал от нее чуточку внимания.

Внимания Тедди она не уделяла, зато давала ему его фунт. Иногда эти визиты проходили в полнейшем молчании после его «спасибо», на котором Агнес настаивала и желала услышать еще до того, как деньги попадут к нему в руки. Если же тот стоял с плотно сжатыми губами, она могла спрятать купюру за спину и заявить:

– Что нужно сказать?

– Спасибо.

– Спасибо, бабушка.

– Спасибо, бабушка.

Часто она не приглашала Тедди в дом, а если и приглашала, то ничем не угощала. В этих случаях их беседа состояла из того, что Агнес изводила внука вопросами о школе, выуживая у него информацию обо всем, что происходило в доме Грексов, и из его односложных ответов, которые были практически сродни пренебрежительному молчанию. Она была старая, за семьдесят, а Тедди, сильному и бойкому, на тот момент было десять. Хотя ее никогда не приглашали, Агнес время от времени навещала свою дочь, однако, если ее визиты приходились на тот день, когда Тедди должен был получить свое еженедельное пособие, деньги она ему не давала. Чтобы получить их, он должен был идти к ней.

Вот так и развивались эти своеобразные отношения между двумя лишенными чувств людьми. Хотя ни один из них не проявлял интереса к человеческой природе – ограничиваясь расплывчатым пренебрежением к ней, – они, вероятно, знали друг друга лучше, чем кого-либо еще. Когда Тедди перевалило за десять и он превратился в высокого и привлекательного подростка, Агнес слегка смягчилась к нему, и среди ее замечаний стали появляться такие, которые нельзя было назвать ни строгими, ни грозными или издевательскими. «Холодно что-то сегодня», – могла она сказать или удовлетворенно: «Ты будешь намного выше своего отца».

Поэтому было странно, выше человеческого понимания, что, когда Тедди исполнилось восемнадцать и он уехал учиться в колледж, Агнес прекратила выдавать внуку деньги. Она могла давать ему раза в два или три больше – ей это было по средствам, – однако объявила, что еженедельная выдача его фунта прекращается, так как у Тедди есть стипендия.

– Ты получаешь больше, чем я, – сказала Агнес.

Тедди ничего не ответил, так как не представлял, каков доход его бабушки.

– Впредь ты больше не будешь беспокоить меня, так? – Это было произнесено не без торжества.

– Наверное, так.

– Живи, как хочешь, – сказала Агнес.

* * *

Когда Кейт спросил, почему в доме пахнет ацетоном, Элейн поняла, что у нее та же болезнь, что была и у отца. Ацетон был в ее дыхании и, возможно, выделялся через поры, но Джимми этого не замечал. Она довольно долго что-то подозревала. Зная, какие симптомы

были у Тома Таутона, Элейн наконец-то осознала, откуда проистекают ее постоянная жажда, сухость кожи и быстрая утомляемость. С жаждой она справлялась тем, что стала больше пить, заливая ее безмерным количеством банок диетической колы. Зрение у нее стало не таким, как раньше, но Элейн справилась и с этим, купив очки в «Бутсе».

А зрение было для нее важно, если она собиралась закончить работу над кружевным покрывалом. Прошло то время, когда можно было что-то игнорировать и делать вид, будто ничего нет. Элейн пришлось предпринимать какие-то действия. Ни один из мужчин-домочадцев не проявил интереса к состоянию ее здоровья после того, как Кейт упомянул запах ацетона. Ее удивило бы, если бы случилось обратное.

Несмотря на большое количество пива, Элейн теряла в весе – у нее не было аппетита.

– Кажется, я снова могу носить кольцо, – сказала она Джимми, когда они однажды вечером смотрели «Алло, алло». – Взгляни на мой палец.

Но Джимми не взглянул. Он отмахнулся от руки, которую та выставила перед ним, с сухой, чешуйчатой кожей, и выглядела так, будто ее сунули в пакет с мукой. Потом наклонился в противоположную сторону, уставился в телевизор и громко заржал.

Одетая в красно-серую вязанную крючком юбку, в джемпер с вязанным крючком капюшоном и в желтую вязаную фуражку, Элейн вышла из дома, чтобы успеть на автобус до матери. По дороге, идя мимо приемной врача, недавно переименованной в медицинский центр, она на табличке прочитала, в какие часы открыт прием пациентов и как записаться на прием. Однако пошла дальше. Элейн все еще помнила, хотя прошло девятнадцать лет, какой поднялся шум, когда выяснилось, что она не обращалась за медицинской помощью до и во время рождения Тедди, как и того высокомерного врача и акушерку с поджатыми губами. И представила, что с ней сделают, если она зайдет к ним. Ее знания были почерпнуты из телевизора. Элейн представила анализы, ворчание, унижение, требование бросить курить.

На остановке она закурила сигарету. Женщина, тоже ожидавшая автобус, рукой отогнала от себя дым, и Элейн отвела душу, вывалив на женщину целую кучу оскорблений. Когда она добралась до матери, то чувствовала себя страшно усталой, в том числе и потому, что, пока ехала, ей пришлось дважды искать общественный туалет из-за слишком частого мочеиспускания.

Когда Агнес услышала, что собирается сделать Элейн, она предприняла слабую попытку отговорить ее. Но вместе с душевным теплом и неподдельным интересом к судьбам других у нее напрочь отсутствовало и умение убеждать. Вероятно, потому, что ей не хватало достаточной заинтересованности в ком-либо.

– Ты потревожишь свои внутренности, – сказала она.

– При чем тут внутренности, а? Я буду делать в ногу.

– Папино лекарство просрочено. Прошло пять лет.

Однако так и не смогла остановить дочь, которая отправилась в ванную за шприцем и ампулой. Элейн часто наблюдала, как отец делает себе укол, и хорошо помнила все детали процедуры. После себя Том Таунтон оставил большой запас ампул, и Агнес не выбросила ни одной, как и проинструктировала ее практикующая медсестра из департамента здравоохранения. Элейн решила взять несколько ампул, а по дороге домой купить шприц.

Роясь в аптечке, она нашла коробку с надписью «толбутамид». Вспомнив, что сначала этот препарат прописали отцу принимать через рот и только потом стали вводить внутривенно, она проглотила пару капсул и запила водой из холодного крана. Вреда от них не будет. Делать себе уколы – гораздо сложнее, но она видела, как это делается, поэтому тоже сможет.

После этого Элейн вернулась к матери и сказала, что нальет себе чашку чая. И что собирается отказаться от сахара в чае.

– Будет трудно, – сказала она, – но я должна думать о своем здоровье, – а потом добавила фразу, которую где-то слышала, или нечто похожее: – Ради Джимми я должна подумать о своем здоровье.

На кухне, пока закипал чайник, ей пришлось сесть. Уже сидя, Элейн почувствовала, как закружилась голова и потемнело в глазах; она задрожала, сползла на пол и впала в кому. Ее мать, устав ждать чай, заснула и обнаружила свою дочь только после пяти.

* * *

Приехав из колледжа на пасхальные каникулы, Тедди обнаружил, что в дневное время дом пустеет. Джимми не считал нужным известить власти о смерти жены и продолжал получать полную, как для семейных пар, пенсию, которую ему начислили по достижении шестидесятипятилетия. Примерно в то время произошли некоторые изменения в законодательстве, и теперь пабы были открыты весь день. Джимми приходил туда в десять утра и сидел до шести-семи вечера.

Трудыга Кейт, которому до пенсии оставался еще год, продолжал работать водопроводчиком, главным образом ради карманных денег. Он неплохо зарабатывал, этот Кейт. На деньги, заработанные, например, за прошлый год, он сумел съездить в Лансароте и построить навес на бетонной площадке, чтобы укрыть свой «Эдсел» от непогоды. Он был хорошим водопроводчиком и приходил всегда, когда бы его ни вызывали; когда протекал бак на чердаке, когда вода не поступала в бачок унитаза – на Кейта всегда был спрос. Поэтому дом пустовал и впервые был в полном распоряжении Тедди.

Он мог бы позвать в гости друзей, но у него их не было. Альфред Ченс был единственным, кого можно было бы с натяжкой назвать его другом. Девушек из колледжа влекло к нему, и они не скрывали своих чувств, но он отвергал их. Тедди был одиночкой, и ему нравилось считать себя таковым. Первым делом, оставшись в одиночестве, он принялся изучать дом и обыскивать его – раньше у него такой возможности не было.

Дом был грязным и из-за обилия шерстяной пряжи и шерстяной одежды наводнен молью. Личинки древоточца жадно пожирали мебель в гостиной и со столика под телевизором успели перебраться на гладильную доску. Тедди закрыл глаза и представил, как дом поглощают насекомые, сверля, буря и пережевывая его, и ему даже стало казаться, что он слышит то мерное шуршание и жужжание, которые сопровождают это хищническое истребление.

В ванной были пауки, по полу ползали мокрицы. На малиновых кистях грязных штор устроились божьи коровки. Издали они напоминали струпья на коже. Тедди зашел в комнату Кейта, не потому, что там было нечто особенное, что хотелось бы увидеть или проверить, а просто из любопытства и увлекательного омерзения. Неосознанное удовольствие – вот что он чувствовал, когда рассматривал вечно неубранную кровать с никогда не менянным постельным бельем. После смерти Элейн больше никто не занимался стиркой, и в одном углу росла куча заношенной одежды. Кейт обычно дожидался, когда у него останутся одни брюки и одна драная майка, и только тогда запихивал груды одежды в корзину и нес все это прачке.

Воздух в комнате представлял собой смесь застоявшегося запаха сигаретного дыма, сладкой вони сыра с плесенью и сухого, горьковатого, желтого зловония нестираного белья. Обычные, стандартного размера пепельницы были малы для Кейта, и он пользовался старой кастрюлей фирмы «Пирекс», в которую стряхивал пепел и гасил бычки. Она стояла на полу рядом с кроватью. Тедди сел на корточки и заглянул под кровать. Он с детства помнил, что Кейт хранил там выпивку. Она была там и сейчас: полбутылки водки, целая бутылка джина и три банки лагера с хомутами от пластмассовой счетверенной упаковки.

«Напоминалками», сделанными на розовых и голубых листках, Кейт заклеил оконное стекло и фасад высокого комода. На них были записаны телефоны клиентов и адреса фирм, продававших сантехнику. К одной стене были приколоты фотографии героев Кейта, вырезанные из библиотечных книг: Карла Бенца и Готлиба Даймлера, изобретателей автомобилей, и Фердинанда Порше, стоявшего рядом со своим «народным автомобилем» в гитлеровской Германии. Их строгие, серьезные лица и безупречные костюмы являли собой разительный контраст с убогим видом комнаты.

В соседней комнате спал Джимми, один. Его кровать была укрупненной версией кровати брата. Несколько недель назад, если судить по цвету и характеру пятен на наволочке, у него случилось носовое кровотечение. Вероятно, именно эти следы и привлекли мух, которые – их было с десятков или больше – кружили у закрытого окна и бились в стекло, в то время как одна трупная муха, огромная, как пчела, с жужжанием носилась взад-вперед по комнате. Тедди заглянул в шкаф. От одежды его матери пахло старой овцой. На покрытой свалявшимися комочками шерсти личинки моли уже успели оставить свои следы, а в швах виднелись их коконы, серовато-белые, как плесень.

Именно те цвета, которые она так любила, восхищали и отталкивали Тедди. Он немало знал о сочетании цветов, а за последнее время успел кое-чему научиться. И знал, например, следующее: сочетания, которые выглядят красивыми в природе – примула на фоне темно-зеленых листьев плюща, синяя бабочка на розовой розе, – не всегда приемлемы, с эстетической точки зрения, для изобразительного искусства или для тканей. Элейн помещала ярко-зеленый рядом с алым и охру рядом с пурпурным, у нее бирюзовый контрастировал с персиковым, а малиновый теснил зеленовато-голубой. Сочетания цветов резали ему глаз и вызывали внутри него гнев.

Тедди переместился к туалетному столику и некоторое время стоял там, опершись руками на его стеклянную крышку и закрыв глаза. Сейчас кровать была у него за спиной, но мысленно он хорошо ее видел. Должно быть, на ней периодически или хотя бы один раз – ведь он родился через пять лет после того, как родители поженились, – а может, и часто они занимались сексом. Основываясь на том, что говорил народ в школе, он знал: мысль, что родители занимаются сексом, кажется всем невообразимой, однако в данном случае эта мысль была более чем невообразимой. Его передернуло. Тедди спал в этой комнате до четырех лет и смутно ее помнил; значит, они занимались этим в его присутствии.

Он зажмурился. В двадцать он был девственником и не стеснялся этого. Если бы кто-нибудь его спросил, Тедди с гордостью об этом рассказал. Где-то он прочитал, наверное в газете, что стало модно «оберегать себя», сохранять состояние девственности. Что касается моды, то он не был ее последователем. Что касается сохранения себя для чего-то или для кого-то, то к браку это не имело никакого отношения; брак означал эту спальню, тех людей, дым, и моль, и мебель в столовой. И все же Тедди мог представить, что хранит себя чистым и нетронутым – но для чего? Для создания такого же чистого и нетронутого, как и он сам.

Резко выпрямившись, Тедди открыл глаза и посмотрел на свое отражение. Засиженное мухами зеркало постепенно лишалось серебрения, по краям оно было побито зеленоватыми изъязвлениями, но все это только подчеркивало его красоту. Он никогда не замечал, что похож на своего дядю Кейта; и слава богу, потому что с яростью отверг бы эту мысль. Тедди видел только лицо и фигуру, которыми не уставал восхищаться – этой квадратной челюстью, глазами, скулами, этим совершенным носом и ртом, черными шелковистыми волосами, стройным, сильным телом, бедрами, казалось, слишком узкими, чтобы вместить все внутренности.

Только едва ли это было тщеславие. В его голове не появлялась идея изменить свою внешность или одеваться так, чтоб подчеркнуть ее или использовать. Тедди просто испытывал такое же наслаждение от созерцания самого себя, как от любования любым красивым

предметом. Ему хотелось хвастаться собой или показывать себя кому-либо в той же степени, как если бы он установил любимую скульптуру в саду перед домом или пригласил людей взглянуть на бесценную картину, висящую на стене. Тедди принадлежал себе. Он был единственным человеком, кто значил для него столько же, сколько и красивые вещи.

Безупречность портил только изъян на левой руке. У него вошло в привычку держать мизинец согнутым и прижатым к ладони. Сейчас или тогда, если родители чувствовали ответственность за своего ребенка, они быстро нашли бы отрубленный кусок пальца, и отвезли его в Академию хирургии, и пришили бы на место так, что было бы незаметно. Это отсутствие заботы, какого-либо интереса было еще одним поводом ненавидеть их. Тедди опустил глаза и оглядел беспорядок на туалетном столике. После смерти матери ни один предмет не сдвигали с места, ни с чего не стирали пыль. Все было оставлено так же, как и прежде, словно в храме, однако не в знак беззаветной любви, а от полного безразличия.

Старая щетка фирмы «Мейсон-Пирсон» с черной жесткой щетиной, забитая такими же жесткими, но уже с проседью волосами; флакончик с пожелтевшими от старости и ставшими вязкими духами; расческа со склеенными темно-серым жиром зубцами; картонная коробка с надписью «Терриз олл голд»⁷, в которой когда-то лежали шоколадные конфеты; стеклянный поднос со шпильками, заколками для волос; клоки ваты, дохлая муха, колпачок от шариковой ручки и – самое мерзкое – обломок ногтя. И все это лежало и стояло на посеревшей, чем-то заляпанной, вязаной кружевной салфетке с мятой серединой и волнистыми краями. Сама она напоминала остров в пыльном море после ядерного взрыва.

Тедди уже замахнулся, чтобы смести все это на пол. Его отец и не заметит, пройдут годы, целая вечность, а он так не увидит, что чего-то не хватает. Что-то остановило Тедди, простое любопытство – а что там, в коробке? А вдруг там то, что было изначально? Тедди представил конфеты, покрытые прахом, призраки шоколадок, бледные фантомы шоколадных кубиков, полушарий и ракушек.

Но конфеты давно были съедены. В коробке Элейн держала свои украшения. Тедди никогда не видел, чтобы она хоть что-нибудь носила: ни бусы из жемчуга с облупившимся верхним слоем, ни ожерелье из зеленого стекла, ни брошку в виде скотч-терьера, ни медный браслет, который спасал от ревматизма – так, во всяком случае, утверждалось и было выгравировано на нем, – ни ожерелье, сплетенное, кажется, из нитки, покрытой пластмассовой оболочкой. Присмотревшись, Тедди понял, что это такое. Значит, крючком можно вязать даже украшения.

Он выгреб из коробки всю эту кучу. На самом дне, как орхидея, расцветшая среди чертополоха, лежало кольцо.

Как и его мать много лет назад в дамском туалете в Бродстейрсе, Тедди сразу увидел его ценность. Но не вероятную стоимость, а, в отличие от Элейн, его красоту. Он положил кольцо на ладонь и повернул так, чтобы на бриллиант падал свет. Камень был крупный, он мерцал и переливался, а свет, преломляясь в его гранях, рассыпался радугой по грязным стенам. С внутренней стороны оправа была забита таким же эпидермальным детритом⁸, как и на расческе Элейн. Скривив губы, Тедди с омерзением смотрел на темный жир, который успел затвердеть на золотом ободке и в выемках изящного каста. Откуда оно? Носила ли мать его когда-нибудь?

Надо его отмыть и обязательно выяснить, как чистят бриллиантовые кольца. Но сначала он примет душ, чтобы смыть с себя грязь.

⁷ Знаменитая марка шоколадных конфет-ассорти, которая с 1932 года выпускалась в Англии фирмой «Крафт Фудс». Всегда продавались в коробках по 450 граммов.

⁸ Ороговевшие клетки эпидермиса.

* * *

Соседи, отказавшись от клеветнических сплетен и недобрых суждений – так делают все, когда приходит беда, – говорили, что Джимми недолго протянул после смерти своей жены и что это свидетельствует только о том, что они были любящей парой. Просто не смогли жить друг без друга. Нет, Джимми не умер, его на «Скорой» отвезли в больницу после сердечного приступа, случившегося у него в пабе.

Он стоял у барной стойки с пинтой бочкового «Гиннеса» и рассказывал всем, кто был готов его слушать, о расовых отношениях в северном Лондоне. Или, если быть точным, о поведении газетного киоскера индийского происхождения, но родившегося в Бредфорде, который продал все экземпляры «Сан» до того, как Джимми успел дойти до его киоска.

– Вот я и говорю этому чернокожему пакистанцу, – рассказывал Джимми, используя прозвище, которое считал своим собственным изобретением, – вот я и говорю ему, мол, ты не у себя в Каль-чтоб-ей-кутте, ты, знаешь ли, не среди заклинателей змей и скотоложцев, а он вдруг – нет, не побелел, не настолько, слово даю, – нет, он стал цвета карри, в который обмакивал свои чертовы чипсы, и...

Боль отсекала все, что Джимми собирался сказать дальше. Он правой рукой сжал левое предплечье, и от этого действия сначала подался вперед, а затем согнулся пополам; из горла вырвался низкий стон, который превратился в вой, когда он упал на колени и повалился на пол.

Хотя Грексы всю жизнь обходились без телефона, десять лет назад они все же установили его, главным образом из-за сантехнического бизнеса Кейта. Кейт как раз был на телефоне, разговаривал с женщиной, у которой в ванной с потолка текла вода, когда в дверь позвонил полицейский. И оказался перед дилеммой: бежать к женщине с залитой водой ванной или ехать в больницу. Он прошел в столовую, где Тедди, сидя на кровати, делал набросок скамеечки для ног.

– Вся семья рушится, – сказал он. – Было бы неплохо, если бы ты отправился к отцу и проведаль его. Я еду в Криклвуд и подвезу тебя на мотоцикле, высажу где-нибудь по дороге.

– Нет, спасибо, – сказал Тедди. – Я занят.

Скамеечка будет очень красивой, сочетание простых линий и гладких, блестящих поверхностей станет настоящим шедевром. Он закрыл глаза, представляя будущее, из которого выдворено всяческое уродство.

Глава 7

Через несколько дней Тедди вернулся в колледж и пошел на лекцию по джойденской школе. Ее читал приглашенный профессор, так что посещать ее он был не обязан, да никто и не ждал от него этого. «Изобразительное искусство» не входило в его курс, но он восхищался работами Майкла Джойдена, Розалинды Смит и Саймона Элфетона, репродукции которых видел в воскресном приложении, и хотел узнать, что интересного может рассказать профессор Миллз.

Как всегда безупречно опрятный, с вымытой головой и почищенными ногтями, Тедди был одет в свою обычную одежду, идеально чистую, но заношенную почти до состояния тряпки. У него не было денег на одежду, и, когда деваться было некуда, он кое-что покупал в «Оксфаме» и магазине Сью Райдер⁹. Мать всегда одевала его из этих заведений, Тедди привык к их ассортименту, и ему было безразлично, что носить. В этот день на нем были синие джинсы, такие же, как и у всех, кто собрался в аудитории в Поттер-билдинг, белоснежная, хотя и поношенная тенниска и темно-синий пуловер, который двенадцатью годами ранее был куплен в «С&А» одним из дарителей Сью Райдер.

Девушка, сидевшая рядом с Тедди, окинула его тем самым оценивающим взглядом, к которым он давно привык. Она была довольно симпатичной. В сущности, его никогда не интересовали характеристики, чье-либо отношение или мнение, однако он всегда замечал, привлекательны окружающие или нет. У этой девушки было ясное личико с острыми чертами и аккуратное маленькое тело, но, если пользоваться терминологией его бабушки, она выглядела залежалой. Как будто, с внутренним содроганием подумал Тедди, ее захватили грязными руками и слишком часто валяли по таким же вонючим кроватям, как у Кейта.

– Привет, – сказала она.

Тедди кивнул ей.

– Я раньше тебя здесь не видела.

Он поднял соболиные брови.

– Я бы тебя запомнила, честное слово, – кокетливо продолжала она. – Есть люди, которых трудно забыть.

– Вот как? – Он часто использовал этот вопрос, который ничего не значил, не напоминал никого, кроме тех, с кем вынужден был соседствовать в дневное время. – Расскажи мне что-нибудь.

Теперь она улыбалась.

– Что угодно?

– Как ты чистишь кольца?

– Что?!

– Как бы ты стала чистить бриллиантовое кольцо?

– Господи, да откуда мне знать? – Она устремила на него обиженный взгляд, но над вопросом, кажется, задумалась и пожала плечами. – Моя бабуля кладет свое в джин. Оставляет в стакане с джином на ночь.

На подиум уже поднимался лектор.

– Ясно, – сказал он. – Спасибо.

Тедди было интересно, как профессор Миллз будет демонстрировать примеры картин, и очень надеялся, что тот не станет приклеивать репродукции на доску. К своему облегчению, он увидел, что будут использоваться слайды. Свет в аудитории притушили, и на экране

---

⁹ Маргарет Сьюзан Чешир, баронесса Райдер Варшавская и баронесса Чеширская, англичанка, которая ушла добровольцем на Вторую мировую войну, а потом руководила многочисленными благотворительными организациями.

появилась первая картина. Это была «Кам Хитер блюз» Майкла Джойдена, Тедди ее раньше не видел. Поп-группа, с которой дружили Джойден и Элфетон и чью музыку они так любили, была изображена на холсте в виде водоворота цвета и вспышек света, так что, как ни странно, картину можно было почти услышать.

Девушка пробормотала что-то насчет того, что ей ничего не видно и трудно конспектировать. Тедди проигнорировал ее. Профессор Миллз рассказывал о Джойдене и Смит и о влиянии фовистов¹⁰, об их дерзком стиле и ярком цвете. В то время как у Розалинды Смит это влияние проявилось в более значительной степени, чем у других представителей джойденской школы, Элфетон своей манерой больше обязан Боннару¹¹, Валлотону¹² и Вьюару¹³, чем Матиссу и Руо¹⁴. Некоторые называли его работы ретроградными, но лектор заявил, что по поразительной современности творчества его можно сравнить как минимум с Хокни¹⁵ или Фрейдом¹⁶.

Тедди с трудом представлял, что это за люди. Люсьена Фрейда он знал, но считал, что его работы уродливы, какими бы хорошими их ни называли. Тедди видел репродукцию одной картины Элфетона на листовке, брошенной в почтовый ящик в Нисдене, и сейчас она появилась на экране, большая, как жизнь: «Музыка в Хэнгинг-Сворд-элли».

Опять «Кам Хитер»; на этот раз четверо музыкантов стояли, лениво привалившись к бетонной стене здания, в котором находилась звукозаписывающая студия, а у их ног лежали инструменты. У Марка Сайра, ведущего гитариста, был широко открыт рот, голова откинута назад, длинные волосы струились по спине. Эта картина, как сказал профессор Миллз, была датирована 1965 годом.

– У моей мамы есть все их старые синглы, – прошептала девушка. – Она была фанаткой «Кам Хитер», представляешь?

Тедди пожал плечами. Музыка – любая – его не интересовала. Как бы то ни было, сейчас, наверное, все эти люди уже мертвы. А вот люди, написанные красками, – это другое дело. Вот как на следующем шедевре Элфетона, самом знаменитом из всех произведений представителей джойденской школы, на том, что висит в галерее Тейт, включен во все книги по современному искусству и даже прорвался в реестры лучших работ. Раньше Тедди видел его только в том воскресном приложении и именно ради него и пришел на лекцию.

«Марк и Гарриет на Оркадия-плейс». Молодая пара стояла в залитом солнцем саду перед чем-то, очень похожим на дерево. Не на дерево без ствола и ветвей, а скорее на завесу из листьев. Все это было лишь фоном для мужчины и женщины, которые стояли на небольшом расстоянии друг от друга, соединенные легким прикосновением пальцев его правой и ее левой руки. Он был темноволосым, с бородой и длинными волосами, в темно-синем костюме, она – красавицей с массой красновато-коричневых вьющихся волос такого же цвета, как и ее длинное платье в стиле времен Регентства. Их взгляды были устремлены друг на друга, и казалось, в них светятся любовь и желание. Страсть настолько заполняла

¹⁰ **Фовизм** – локальное направление в живописи начала XX века. Название происходит от французского *les fauves* – «дикие звери», было присвоено группе молодых парижских художников в насмешку. Для направления характерно создание художественных образов с помощью предельно яркого открытого цвета.

¹¹ **Пьер Боннар** – французский живописец и график, который вошел в историю искусства как один из величайших колористов XX века.

¹² **Феликс Валлотон** – швейцарский художник и график.

¹³ **Жан Эдуар Вьюар** – французский художник, представитель символизма и модерна.

¹⁴ **Жорж Руо** – французский живописец и график, наиболее крупный представитель французского экспрессионизма.

¹⁵ **Дэвид Хокни** – английский художник, график и фотограф, заметный представитель поп-арта.

¹⁶ **Люсьен Майкл Фрейд** – известный английский художник, специализировавшийся на портретной живописи и обнаженной натуре, мастер психологического портрета.

картину, что после многих лет, несмотря на миллионы глаз, смотревших на нее, и тысячи комментариев о ее содержании, любовь этой пары оставалась свежей и вечной.

– Марк Сайр, как наверняка могут рассказать вам ваши родители, – говорил профессор Миллз, – был членом «Кам Хитер» и в этом качестве сделал состояние, которое позволило ему в тысяча девятьсот шестьдесят пятом году – именно этим годом датирована картина – поселиться в этом доме в Сент-Джонс-Вуде и наслаждаться *rus in urbe*. Поверьте мне, там, позади плюща и винограда – или как там называются эти лианы – стоит георгианский дом. Гарриет Оксенхолм была для него тем, что мы сейчас называем сожительницей. Но нам нет надобности уделять чрезмерное внимание этим людям, которые важны нам исключительно тем, что были друзьями Саймона Элфетона и, по счастливой случайности для будущих поколений, стали персонажами его картины. Мы должны смотреть на то, как Элфетон потрясающе использует цвет, как он незаметно управляет светом, и увидеть его любопытную способность чрезвычайно экономными средствами передать сильные эмоции и, что главное, сексуальную страсть. Конечно, в качестве шаблона или образца для подражания он держал в голове «Еврейскую невесту» Рембрандта, но, прежде чем мы приступим к обсуждению этого, давайте сначала взглянем на игру света и тени...

Тедди решил сходить в галерею Тейт и посмотреть на оригинал. Он думал о листьях, о резных листьях, примерно таких, как вырезал Гринлинг Гиббонс¹⁷, но современных, листьях сегодняшнего дня.

Когда лекция закончилась и включили свет, девушка рядом с ним заглянула в конспект, который она так старалась вести.

– Ты бы назвал эту картину эротичной?

– Миллз назвал.

– Разве? Тогда и я назову. Я Келли. А тебя как зовут?

– Кейт, – ответил Тедди.

– Что с твоим пальцем, Кейт?

Он мрачно ответил:

– Дядька откусил.

На этот раз Келли не поверила. Она хихикнула.

– Кейт, как ты смотришь на то, чтобы пойти куда-нибудь выпить?

– У меня семинар, – сказал Тедди.

Он встал и вышел, не оглядываясь. Зачем он солгал вместо того чтобы просто сказать «нет»? Вот в следующий раз он и скажет «нет». Естественно, никакого семинара у Тедди не было, и никакое эссе писать не надо было. Казалось, никого на его курсе не интересует, кто что пишет и пишет ли вообще. Он собирался ехать домой, чтобы приступить к выполнению дела, которым он мечтал заняться уже долгие годы. Дядьки дома не будет – тот должен сначала установить душ с сильным напором в одной квартире в Голден-Грин, а потом ехать в больницу к Джимми. Кейт, который никогда прежде не проявлял особых чувств к брату или вообще к кому-либо, вдруг стал регулярно навещать Джимми и подолгу сидеть у его койки. Так что дома никого не будет, никто ничего не увидит и не услышит.

* * *

«Эдсел», изысканно бледно-желтый, без единого пятнышка, с многократно перебраным двигателем, стоял на расширенной бетонной площадке под новым навесом, который состоял из четырех металлических столбов и блестящей крыши из гофрированного политетрафторэтилена. Он был – или казался – самой большой из всех машин Кейта. Слишком

---

¹⁷ Английский резчик по дереву.

большой, чтобы занимать горизонтальное положение в саду и стоять капотом с похожей на округленный рот решеткой радиатора – к задней ограде, а багажником с высокими задними фонарями – почти вплотную к французскому окну. Рядом с ним, чуть ли не на том месте, где стоял мотоцикл, когда Кейт был дома, растеклось длинное масляное пятно. Навес, предназначенный для того, чтобы укрывать большую машину, занимал больше места, чем площадка как таковая, и инструменты Тедди были свалены в углу, там, где состыковывались два боковых забора.

Он поднял пленку и стряхнул с нее воду, оставшуюся после ночного дождя. Затем вынул из коробки сверток, развернул несколько слоев газеты и достал пилу, ножовку по металлу, стамески разных размеров и молоток. У мистера Ченса никогда не было ничего такого примитивного, как топор, но у Тедди сохранился тот, которым бабушка Греков в давние времена колола дрова. Он нашел этот отсыревший тупой топор среди груды грязного хлама под раковиной.

Принес все эти инструменты в столовую и приступил. Было пять, когда он начал, и к половине восьмого он успел отпилить у стульев ножки, подлокотники и спинки и выбить из рамы сиденья. Ему не хотелось прерываться на еду, поэтому он заточил топор на оселке мистер Ченса и приступил к рубке. Через полчаса все шесть стульев превратились в дрова. И тут в стену застучали соседи. Они принимались стучать несколько раз, а потом зазвонил телефон. Тедди догадался, что это они, пара яппи, купившая дом мистера Ченса и считавшая себя выше остальных обитателей района. Он проигнорировал и стук и звонок, но оставил на время стулья и принялся пилить буфет.

Сосед не выдержал и позвонил в дверь, когда Тедди в девять снова взялся за топор. Тедди дал ему несколько раз надавить на кнопку, потом подошел к двери с «Цивилизацией» Кеннета Кларка в руке, открытой на главе «Величие и смирение».

– Послушайте, что происходит? В чем дело?

– Мой дядя делает гроб, – ответил Тедди. – У него срок подходит.

Сосед был из тех, кто краснеет, когда думает, будто ему солгали или послали, но не знал, как на это реагировать.

– Какой срок? – спросил он.

– Десять вечера, – сказал Тедди. – Времени почти не осталось. Спокойной ночи.

Он с грохотом захлопнул дверь и пнул ее. Прежде чем продолжить расчленение мебели, он поднялся наверх, нашел у Кейта под кроватью бутылку джина и на дюйм наполнил рюмку для яиц, которую предварительно прихватил с собой. Положил туда бриллиантовое кольцо, а потом спрятал рюмку под свою кровать. Ускоренным темпом он порубил буфет, сложил из дров кучу высотой в четыре фута, а к тому моменту, когда вернулся Кейт – время было без двадцати пяти одиннадцать, – Тедди уже сидел на кухне и ел из большой банки консервированную фасоль с тостами, которых поджарил уже три порции.

– Поздно ужинаешь, – сказал Кейт.

Тедди промолчал.

Кейт опустил пакеты с бутылками и банками пива, закурил от спички сигарету, а спичку бросил на пол.

– Тебе не хочется узнать, как поживает твой отец?

– А ты как думаешь? – спросил Тедди.

– Не распускай свой язык. Ты не появлялся в больнице с тех пор, как туда положили твоего отца, а это целых два месяца, черт побери. Старый недоумок вот-вот откинёт копыта, а ты и задницу не оторвешь.

– А что это ты распустил язык? – сказал Тедди. – Может, тебе его промыть? Например, цианидом.

Он ушел в столовую и хлопнул дверью. Оказавшись внутри, он расхохотался. В ту ночь он спал как убитый. Вернее, как Грекс – они все крепко спали, а вот он иногда был исключением. На следующий вечер Тедди отпилил у стола ножки и порубил их, а вот крышку трогать не стал. Еще днем – хорошо, что было не поздно, – он увидел, насколько та красива. Тедди осторожно разобрал крышку и прислонил доски к стене.

Куча порубленной мебели занимала примерно столько же места, сколько когда-то и буфет. Чтобы избавиться от нее, ему в голову не пришло ничего лучше, чем каждый раз при выходе из дома брать с собой по несколько чурок и выносить в пластмассовых сумках. Примерно так же, как избавляются от «расчлененки»: в один день выносят ногу, в другой – руку и наконец – голову.

К счастью – раньше Тедди никогда не воспринимал это как удачу, – в доме имелось много пакетов. Ими были забиты все ящики на кухне, они вываливались наружу, когда открывалась дверца под раковиной. Кейт приносил их из «Сейфуэй» и никогда не относил обратно. Переработка любого рода или формы не вписывалась в уклад его жизни. Так что, отправляясь в колледж, по дороге к метро Тедди складывал в пакет обрубки ножек, а потом выбрасывал их в урну.

Как и говорила бабуля Келли, джин очистил кольцо. Куски серой вязкой массы, один даже с застрявшим в нем волосом, плавали на поверхности в рюмке для яйца. Тедди с содроганием понюхал жидкость. Он был невинен и в другом отношении: никогда не притрагивался к алкоголю.

Кольцо сверкало в утреннем свете. Тедди гадал, кому оно принадлежало, прежде чем попало в руки матери. Бабушке Грексов? Точно нет. Вероятнее всего, оно было украдено, однако он сомневался, чтоб у его отца хватило храбрости украсть хоть что-то. Наверное, кольцо ничего не стоит или попало в дом вместе с рождественским печеньем.

И все же Тедди не мог поверить, что такая красота не представляет никакой ценности. Придет день, он встретит женщину и подарит его ей.

Глава 8

Вскоре после того, как Ричард и Джулия поженились, полиция попросила Ричарда разрешить Франсин принять участие в опознании.

– Она видела только его ботинки и макушку, – запротестовал Ричард.

– Если вы немного подумаете, – сказал детектив-инспектор Уоллис, – то наверняка со мной согласитесь, что, глядя сверху, человек видит не только чью-то голову и ботинки. В его поле зрения попадает гораздо больше. Руки, например, фигура и рост, уши, плечи...

Джулия считала идею неправильной. Франсин, по ее мнению, и так достаточно настрадалась, она напуганный, травмированный ребенок. Опознание может подвести девочку к критической черте. Это был первый их спор, между ней и Ричардом. Ричард его выиграл, но та битва была последней, из которой он вышел победителем. Джулия вздохнула и с грустным видом сказала:

– Надеюсь, это не нанесет непоправимого вреда и без того хрупкой личности Франсин.

Оба отправились вместе с девочкой в полицейский участок в Суррее, где проводилось опознание. В связи с тем, что Франсин видела того незнакомца под необычным ракурсом, на крыльце, ее завели в помещение, откуда она могла посмотреть сверху на восьмерых мужчин, выстроившихся в линию. Стекло в окне было односторонним, так что Франсин видела их, а те ее видеть не могли. Во всяком случае, так сказали Ричарду.

Джулии же стекло показалось обычным.

– Они всегда так говорят, дорогой, – сказала она, – чтобы нас успокоить.

Как бы то ни было, но Франсин не смогла никого опознать. Девочка выбрала четверых, сказав, что их макушки очень похожи на ту, что она видела, но ни на кого конкретно не указала. Что совершили мужчины, стоявшие в линию, им не рассказывали, однако никого из них не арестовали.

– Но ведь он видел ее, да? – сказала Джулия.

– В этом весь смысл одностороннего стекла, – сказал Ричард, – чтобы никто не смог ее увидеть.

Джулия, отличавшаяся потрясающим отсутствием логики, сказала:

– Хотя это не имеет значения, видел он ее или нет, правда? Ведь на самом деле убийца и так знает, кто она такая и что она единственный свидетель, имеющийся у полиции.

– Ты допускаешь, что он был там, среди этих восьми?

– Естественно, был, Ричард. Его бы там не было, если бы он не был.

* * *

Что стало мотивом для последующих действий Джулии? Франсин задалась этим вопросом гораздо позже. А вначале она была слишком мала, чтобы спрашивать. Ричард же не спрашивал. Он вообще не задавал никаких вопросов, заранее признав, что Джулия искренне опасается за безопасность Франсин, и поверив, что и сама Франсин боится. Что, взяв на вооружение свою систему защиты и ограждения девочки от всего на свете, Джулия всего лишь следует велению души и знанию психологии.

Мысль, что ее мачеха претворяет в жизнь программу по обеспечению безопасности по каким-то своим причинам, из-за того, что у нее нет детей и, вероятно, уже не будет, что она лишилась средств к существованию и профессии, или того, что по собственной воле ушла из всех других сфер, где можно было применить свою власть, пришла в голову только ее падчерице, и лишь десять лет спустя.

Тогда Франсин беспокоило совсем другое – уход Флоры. Та могла остаться хотя бы в качестве помощницы по дому или приходящей няни, чтобы время от времени сидеть с Франсин, когда Ричард и Джулия выходят в свет. Однако те никуда не ходили по вечерам и вообще никуда не выбирались вместе. Джулия считала, что это вредно для Франсин – сидеть дома одной, поэтому нужно, чтобы с ней оставался кто-то один из них. Так что Флора уехала, а Франсин расплакалась.

– Ты можешь навещать меня, – сказала няня. – Я живу недалеко. Попросишь миссис Хилл, чтобы она привела тебя ко мне.

Но почему-то у Джулии никогда не было на это времени. Она была слишком занята заботами о Франсин. Оставаясь с Ричардом наедине, она говорила ему, что Франсин пойдет на пользу полный разрыв с Флорой.

– Да и с практической точки зрения тоже, – сказала Джулия. – Ты же не хочешь, чтобы она переняла этот акцент?

Примерно в то время, уже после ухода няни, – Франсин было почти девять, и ей не удалось на процедуре опознать того мужчину, – Ричард прочитал письмо от адвоката бывшего клиента Джулии. Он прочитал его по ошибке, признался в этом и извинился, но при этом робко и с искренним раскаянием попросил объяснить, что все это значит.

– Это значит, что очень мстительный и, должна признаться, неуравновешенный человек наконец-то одержал надо мной победу. Ему с успехом удалось лишить меня практики, и теперь он празднует свой полный триумф.

Последовавшие дальше объяснения вызвали у Ричарда почти такое же негодование, как у его жены. Сын того человека был клиентом Джулии. Это был мальчик десяти лет. Тогда едва не случилась трагедия: вернувшись домой после сеанса с Джулией, мальчик попытался, к счастью безуспешно, повеситься. Отец грозил Джулии судебным иском и был полон решимости довести дело до конца, уверенный, что сможет представить свидетельства ущерба, нанесенного непосредственно ею рассудку мальчика, но в конечном итоге его уговорили согласиться на то, что Джулия выплатит ему две тысячи фунтов и даст обещание впредь не заниматься психотерапевтической практикой.

– Тебе следовало бы бороться, – сказал Ричард.

– Знаю. У меня не было сил. И не хватило храбрости, Ричард. Я была одна – тогда.

Джулия ничего не рассказала о знаменитых психиатрах, которые горели желанием дать свидетельские показания в суде. И ни словом не обмолвилась о том, что мальчик рассказал адвокату отца об ужасах, агорафобии¹⁸ и ночных кошмарах, которые были вызваны ее вопросами и предположениями.

– Я все равно могу пользоваться своими знаниями, – довольно весело заявила Джулия. – Есть другие, кто получает от них пользу. Ты и Франсин. Ты не сочтешь меня излишне мелодраматичной, если я скажу, что хочу посвятить свою жизнь Франсин?

* * *

Все дети нуждаются в заботе, и сначала о девочке заботились больше, чем о других детях. Например, отец и мачеха никогда не оставляли ее с чужим человеком, Джулия тщательно подбирала ей школьных друзей, применялась радионяня. Она передавала в спальню Джулии и отца все звуки, по которым можно было бы определить, хорошо ли она спит, не мучают ли ее кошмары. Чтение также находилось под пристальным надзором Джулии, а домашние задания – их было немного – и эссе, которые ей периодически приходилось писать, внимательно изучались на предмет наличия признаков нарушений психики. При

---

¹⁸ Боязнь открытого пространства.

Флоре она довольно много времени проводила в уединении, сама с собой. С появлением Джулии Франсин начисто лишилась возможности уединиться.

Именно Джулия обнаружила коробку из-под видеокассеты, и именно это подстегнуло Франсин к решительным действиям. Что удивительно, мачеха не заглянула в коробку, ее внимание сосредоточилось на названии и картинке на крышке.

– «Путешествие по Индии» – замечательная книга, и, думаю, Франсин, что и фильм по ней поставили хороший, – сказала она. – Но мне кажется, что ты еще мала для него. Лучше отложить его до того времени, когда ты сможешь понять его.

– Я не хочу его смотреть, – сказала Франсин. – Я просто хочу, чтобы он у меня был. – И она накрыла рукой коробку.

– Давай я отнесу его вниз и поставлю к остальным фильмам? Мы будем знать, что там он в полной сохранности.

– Он в сохранности здесь, – сказала Франсин как можно тверже и была очень удивлена, когда Джулия выпустила из руки с алыми ногтями коробку и одарила ее сияющей, многоцветной улыбкой: красные губы, белые зубы, голубые глаза слегка навывкате, как у аквариумной рыбки.

Естественно, это было неправдой, то, что она сказала. Коробка и ее содержимое далеки от сохранности. Пока Франсин в школе, ничто не мешает Джулии зайти к ней, взять коробку и заглянуть внутрь. И тогда Джулия обязательно прочтет записи.

Однако сейчас их могла уже прочесть и сама Франсин.

Ею завладело странное нежелание вынимать те листки. Мысль об этом пугала ее. Не так сильно, как одна иллюстрация в толстых «Сказках» братьев Гримм – ведь Франсин точно знала, где она, между сто второй и сто четвертой страницами, и поэтому осторожно переворачивала сразу три страницы, когда читала конкретно ту сказку. Да, не так, потому что она испытывала лишь своего рода неприязнь, желание уклониться от содержания коробки; точно так же Франсин избегала блюда с запахом имбиря.

Так уж случилось, что она читала детскую книжку о греческих мифах, и в одном из них рассказывалось о Пандоре и о том, как та открыла драгоценный ларец и выпустила в мир целый ворох зла. Франсин не верила, что выпустит наружу нечто подобное, если откроет коробку, но даже в десять лет она увидела аналогию. Однако в тот же день открыла коробку и достала пожелтевшие листки бумаги. И впервые поняла, что смотрит на письма.

На верхнем листе адреса не было, зато была дата, один день в марте три с половиной года назад. Франсин прочла начало: «Моя дорогая». И хотя ей больше не составляло труда читать рукописный текст, прочесть этот оказалось невозможно. По какой-то причине – и не знала, по какой именно, – Франсин было страшно читать. Ее взгляд отказывался фокусироваться на валящихся вперед буквах. Она видела только расплывающиеся темные полосы на бледно-желтом фоне, потому убрала листки обратно в коробку, закрыла крышку и сильно нажала на нее, как будто одного щелчка было мало.

В доме не было камина. На улице, где стояли урны, она никогда не бывала одна. Только в школе Франсин оказывалась вне поля зрения любящих глаз Джулии. Она сунула коробку в темно-синий с желтым ранец – такой носили все ученики престижной приготовительной школы, – а на первой перемене достала из нее письма, положила в карман своего пиджачка и вышла на школьный двор. Во дворе – а это был сад с лужайками, площадками для игр, песочницами, мини-зоопарком – собрались все одноклассники, в том числе и Холли, ее лучшая подруга, которая закричала Франсин, предлагая пойти взглянуть на морских свинок.

По дороге нужно было пройти мимо малинового мусорного бака с откидывающейся крышкой – их в большом количестве расставили в этой части сада, чтобы научить детей такому хорошему качеству, как соблюдение чистоты. Франсин на ходу приподняла крышку и быстрым движением сунула под нее письма. Холли все еще звала ее, и та, помахав рукой,

побежала к клетке со слепыми пушистыми комочками и их толстой мамашей, окрасом напоминающей черепаху.

На следующее утро, когда Джулия высадила ее у школьных ворот – Франсин стоило огромного труда убедить мамашу, что не надо провожать ее до кабинета, – она шла мимо того малинового бака с откидывающейся крышкой. Быстро оглянувшись по сторонам, девочка убедилась, что Джулия отъезжает, потом приподняла крышку и посмотрела внутрь. Бак был пуст, и кто-то уже закрепил на его краях новый мешок.

* * *

Иногда Ричарду казалось, что Джулия слишком бдительна. У Франсин не было шанса проявить независимость, побыть в уединении или вообще жить без надзора. Однако он плохо представлял, во что верить и что думать. Наверное, ребенок действительно в опасности. Человек, убивший его жену, все еще на свободе и, не исключено, живет в постоянном страхе, что Франсин однажды вспомнит и расскажет, что видела. Кроме того, не исключена вероятность того, что ее рассудку, психике, или чему там еще, нанесен ущерб. В свете современных концепций трудно было поверить, что случившееся с Франсин не оставило следа в душе ребенка.

Он наверняка остался, даже если для Ричарда это неочевидно. Возможно, он просто не видит его, однако это не означает, что ничего нет. Он разрывался между этими двумя полувверенностями и страшился самобичевания, поэтому у Ричарда не было желания спорить с Джулией или пытаться убедить ее в ненужности излишнего надзора. Вдруг он отзовет этого надзирателя, а потом выяснится, что все ее опасения были обоснованны? Ричарду вспомнилась история Кассандры, чьи предсказания были встречены со скепсисом, но оказались верными.

Поэтому, когда настало время переводить Франсин в другую школу, существующая на субсидии средняя школа, где учились дочки соседей и которая девочке очень нравилась, была отвергнута в пользу выбора Джулии: очень престижной, дорогой частной школы для девочек, называвшейся «Шамплейн». Туда собиралась идти Холли де Марней, и именно от ее мамы Джулия и подчёркнула все сведения о ней. «Шамплейн» располагалась в георгианском особняке на краю Уимблдон-Коммон, очень далеко от того места, где жили Хиллы, зато у нее имелся поучительный список выпускников, поступивших в лучшие учебные заведения для продолжения своего образования. В прошлом году чуть меньше девяносто пяти процентов выпускников шестого класса поступили в университет, в Оксфорд или Кембридж.

Классы были маленькие, а все преподаватели имели высокие ученые степени. Среди студенток – их никогда не называли ученицами – были внучка графа и тайская принцесса. Играли в лакросс¹⁹, но и в футбол тоже. В «Шамплейн» был большой подогреваемый бассейн, корты для сквоша, а также теннисные корты двух видов – с грунтовым и травяным покрытием. Новая научная лаборатория славилась тем, что обошлась в три миллиона фунтов. Естественно, и плата была чрезвычайно высокой, и, чтобы заплатить за учебу, Хиллы шли на большие жертвы. Джулия не протестовала. Отпуск за границей, новая машина или новые туалеты – отсутствие всего этого она воспринимала как цену, которую нужно платить за безопасность Франсин.

Руководство «Шамплейн» приветствовало, если студенты жили в общежитии, но Франсин в этом было категорически отказано. Ведь тогда у Джулии не будет ни минуты покоя. Недавно в газете писали, что в одной школе в дортуар проник мужчина и изнасиловал

---

¹⁹ Командная игра, в которой нужно поразить ворота противника резиновым мячом. Забивать можно ногами и приспособлением, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой.

девочек. А если смог изнасиловать, то может и убить. Так что Франсин пришлось примкнуть к меньшинству, к которому относились с легким неодобрением. Из тайных обществ она была исключена, многие шутки, ритуалы и обычаи были ей непонятны. Она бы меньше ощущала это на себе, если бы ребята не знали о страшных событиях, произошедших на Орчард-лейн. Однако те знали. Джулия настояла, чтобы директриса – чья должность по какой-то таинственной причине называлась «старший исполнитель» – рассказала эту историю всей школе и всему персоналу на собрании, состоявшемся незадолго до приезда Франсин.

– Ради ее безопасности, – объяснила мачеха Ричарду. – Если они все узнают, то будут более внимательны²⁰ по отношению к ней.

Ричард сомневался, что подростки на это способны, но Джулии лучше знать. Ведь она была учительницей, прежде чем стала психотерапевтом.

– Когда она в классной, беспокоиться не о чем, – говорила Джулия. – Меня больше волнует пребывание Франсин в школьном дворе. Вот ее подружки и обеспечат наблюдение.

У Франсин было много подружек среди девочек, не живших при школе. Прошло немало времени, прежде чем ей разрешили ходить к ним в гости, а вот приходить к Хиллам им разрешалось – правда, только после тщательного отбора, проведенного Джулией. Обычно она звонила маме какой-нибудь девочки и предлагала встретиться за обедом, затем принималась с пристрастием допрашивать родительницу о ее семье, о профессии мужа, о ее собственной профессии, о количестве детей и об их отношении к преступлению и наказанию, в том числе и о ее отношении к тюремному заключению и смертной казни – одобряет она ее или нет.

Мамы, судя по всему, не возражали против таких расспросов. Джулия никогда не раскрывала свои мотивы, и родители учениц из «Шамплейн» считали, будто ее интересует их происхождение, претензии на принадлежность к высшему классу или политические убеждения. В результате всего этого Франсин было дозволено приглашать к себе одну или двух девочек и иногда оставлять их ночевать. Однако ее не отпускали ни в какие путешествия с семьями подружек, запрещали участвовать в школьных экскурсиях. В один год «Шамплейн» вывезла четвертый класс на экскурсию к озеру Люцерн, на следующий – пятый класс в Копенгаген, но все это происходило без нее. Случались походы в Национальный театр, но обязательно в сопровождении Джулии, а не одноклассников.

Франсин была в том возрасте, когда дети бунтуют, она и взбунтовалась – чуть-чуть. Почему ее так контролируют? Какой смысл? Она даже сказала:

– Я бы предпочла, чтобы на меня напали, чем сидеть в тюрьме.

Поводом послужило приглашение сходить на балет с двумя школьными подружками и мамой одной из них. Джулия тут же заявила категорично «нет». В Вест-Энд, вечером, на общественном транспорте? Хорошо, с ними будет мама Миранды, и Франсин переночует у нее, и обязательно позвонит, когда доберется до дома, но вдруг...

– Франсин, ты должна понимать, что ты в особом положении.

– Мне ни на секунду не позволяют забыть об этом.

– Думаешь, мне это нравится? – спросила Джулия. – Думаешь, я делаю это ради своего удовольствия?

– Я этого не говорила. Но я сомневаюсь, что чем-то рискую, ну, то есть от кого мне ждать угрозы?

И тут Джулия сделала то, чего обещала Ричарду никогда не делать. Мачеха изложила Франсин свою теорию.

Та побелела и задрожала.

– Но я не видела его. Я ничего не видела.

---

²⁰ Психологический термин. Бдительный, настороженный.

– Франсин, тебе не придется ни о чем беспокоиться, если ты будешь вести себя благо-разумно и позволишь нам заботиться о тебе.

– А разве мы не можем как-то дать ему понять, что я его не видела? Разве нельзя – ну, не знаю, – напечатать в газете, передать через полицию?

– Сейчас ты говоришь глупости.

Зачем она это сделала? Джулия то есть. Зачем? Она верила в собственное обоснование своей бдительности. Тот человек думает, что Франсин может опознать его, следовательно, будет преследовать ее. Если бы ее мачеха не верила во все это и продолжала делать то, что и всегда, то ее можно было бы считать либо злокой, либо дурой. Но Джулия не было ни той, ни другой. Она не была злой мачехой. Сначала, и довольно долго, она твердо верила в свою теорию, но через некоторое время ее мотивы размылись, а цели перепутались.

Например, Джулия редко спрашивала себя, какая от нее польза как от защитницы, как она, женщина под пятьдесят, с плохой физической подготовкой, сможет защитить Франсин или убедить потенциального обидчика в том, что она представляет собой силу и с ней нужно считаться. Джулия никогда не носила с собой оружие и даже не думала об этом. По ночам она спала, и Ричард тоже, а Франсин оставалась одна в своей спальне, и туда проникнуть злоумышленнику было куда проще, чем в школьный дортуар.

Радионяни уже давно не было. (Франсин, которая мирилась со многим, которая отличалась одновременно добротой и стоицизмом, наконец запротестовала и потребовала, чтобы ее убрали.) Более того, теперь мачеха не знала, что происходит, пока Франсин в школе. Джулия надеялась, верила, что в обед Франсин не выходит из школы, не занимается ничем нехорошим в свободное время, не прогуливает уроки, – но не знала, так ли это. Многие прогуливали, даже внучка графа.

Все это Джулия смутно осознавала, а еще также то, что приближается время, когда придется Франсин либо посадить под замок, поместить в лечебницу как беспомощного, умственно неполноценного ребенка, либо выпустить в мир. Однако на этом вопросе остатки ее доброты и здравого смысла куда-то улетучивались. Франсин – ее подопечная, и она, тешила себя мыслью Джулия, имеет над ней абсолютную власть. Она спасла ее, оберегала в течение всего детства и отрочества, готовила к взрослению и сейчас не может бросить ее.

А еще все эти годы Джулия жертвовала собой ради Франсин. Никто ее об этом не просил – Ричард просто попросил стать его женой, – но она делала это исключительно по собственной воле. Однако это все равно было жертвой. Еще в самом начале их брака Джулия могла бы родить ребенка и была достаточно молода, но это означало бы, что Франсин лишилась бы части заботы. Она могла бы сделать карьеру на одном из двух своих поприщ, но это означало бы, что за Франсин не было бы надлежащего ухода. Изо дня в день, в течение учебного года она по пробкам проезжала десять миль до школы, отвозя падчерицу, потом ехала десять миль до дома, затем снова десять миль до школы, чтобы забрать Франсин, и те же самые десять миль до дома. Они с мужем никогда никуда не ходили вдвоем, всегда только с Франсин.

Ее брак тоже был жертвой. Джулия сама испортила его ради Франсин. Их с Ричардом отношения уже не были прежними после того, как Ричард узнал, что она нарушила обещание и все рассказала его дочери. Она была нелепой, эта ее теория, но Франсин было всего пятнадцать, и он считал непростительным взваливать такое бремя на девочку, которая так много страдала, а в неполные восемь лет пережила страшную трагедию. Ричард взглянул на Джулию другими глазами и увидел, что у нее хищническая натура, что у нее чрезмерно развит собственнический инстинкт, что она просто злая, наконец. А какие еще мотивы, кроме злости, могли подвигнуть ее на то, чтобы рассказать все Франсин? Девочке захотелось немного свободы, она слишком прямолинейно, а может, и даже грубо высказала свое желание, а Джулия отхлестала ее за это сказкой, рассчитанной на то, чтобы испугать.

– Злость? – воскликнула Джулия. – Злость? Я люблю Франсин. И хочу для нее только одного – чтобы она была счастлива в этом несовершенном мире.

– Тебе следует переосмыслить свое отношение, – мрачным тоном произнес Ричард. – Тебе следует понять, что она вырастет и когда-то неизбежно станет самостоятельной.

Джулия смотрела на это совершенно по-другому. Она посвятила себя Франсин; разве теперь она может оторвать себя от нее или хотя бы подготовить почву для этого? Кроме этого, следовало брать в расчет еще один аспект.

Мачеха не могла выпустить Франсин, дать ей свободу и смотреть, как та сближается с подружками, а интересы других становятся для нее более важными, чем ее, Джулии. Своей жертвой, своим самоотречением она купила себе падчерицу, заплатила за нее цену, и теперь та принадлежит ей. Франсин – ее падчерица, но еще и ее собственность, девочка, которую она вылепила из испуганного ребенка.

В какой-то мере Франсин ее ребенок в большей степени, чем если бы Джулия ее родила. И будет бороться за то, чтобы та всегда была рядом.

Глава 9

Однажды ночью, после того как его навестил брат и они вместе с час смотрели телевизор, Джимми Грекс умер. Последние из действующих артерий закупорились, вещество, облепившее их стенки, загустело настолько, что и без того узкие протоки сузились до минимума, до ничего, и Джимми, в агонии хватая ртом воздух, борясь за кровь, дыхание и кислород, ушел из жизни. Ему было шестьдесят семь.

Соседи говорили, что он не захотел жить после смерти жены. Кейт зарегистрировал смерть, вызвал людей из похоронного агентства, устроил похороны и после кремации пригласил домой горстку избранных на пиво, виски и чипсы. Тедди тоже присутствовал, хотя практически все время молчал, оглядывая дом, который теперь принадлежал ему. Хотя он и считал дом плохоньким, но все равно был рад иметь недвижимость, любую.

Когда все разошлись, Тедди сказал Кейту:

– Только не думай, я не выгоняю тебя. Я знаю, что ты прожил в этом доме всю жизнь. Но я хотел бы, чтобы ты обдумал идею о том, чтобы съехать, скажем, до Рождества.

Был октябрь. У Тедди начался последний курс в университете Исткота. Они сидели в гостиной, среди загромождавшей все пространство массивной мебели с разбросанной по ней разноцветными вязаными изделиями: покрывалом, салфеткой на спинке кресла, шалью на пуфике. Принесенный кем-то венок из лилий лежал в пыли на журнальном столике. Кейт, почти усыпленный «Чивас Регал», быстро протрезвел и, вернув себе способность соображать здраво, одарил Тедди медленной улыбкой. Обвисшие щеки и длинные, теперь уже седые усы делали его похожим на ласкового моржа. Однако взгляд оставался острым, брови, как у Мефистофеля, сошлись на переносице.

– Этот дом принадлежит мне, – сказал Кейт. – Мне. Он мой. И не смотри на меня так. Хотя можешь, если хочешь. Он весь принадлежит мне. Мой отец оставил этот дом мне. У моей матери было право на пожизненное владение, а после ее смерти он возвратился ко мне. Это термин такой, «возвратился», ясно?

– Ты врешь, – сказал Тедди. Он не знал, что еще сказать.

– Позволь мне объяснить. Хотя, черт побери, не знаю зачем, но объясню. С радостью. Твой отец, да упокоит Господь его душу, твой бедняга отец, этот мерзавец, не был сыном моего отца. Моя мама была беременна, когда он познакомился с ней. Ну, а об остальном можешь догадаться. Он нормально к этому отнесся, но что касается дома, то тут тебе придется поставить точку.

– Я не верю тебе, – сказал Тедди.

– Жаль. Это твоя проблема. У меня есть все бумаги, они в банке, и это надежное доказательство. Можешь им не верить, однако... – Кейт повторил это слово: кажется, ему нравилось, как оно звучит: – Однако я не такой убоженок, как ты. Сюрприз. И так как ты мой племянник, пусть и наполовину, у меня в этом нет никаких сомнений, я не вышвыриваю тебя, как ты собирался сделать со мной. Ты хотел бы выкинуть меня отсюда еще до Рождества; я же предлагаю тебе жить здесь, пока ты учишься в своем проклятом колледже. Как тебе это?

Кейт был готов продолжить объяснения. Отец рассказал ему о происхождении Джимми, когда тому было двадцать три, а ему – двадцать один. Старший Грекс был великодушным человеком и воспитал старшего сына как родного. Однако вопросы имущества и его наследования – совсем другое дело. Дом, на который он копил и за который долгие годы выплачивал ипотечный кредит, должен перейти к его настоящему, родному сыну.

– Может, я составлю завещание и передам его кому-то из родственников, – сказал Кейт. – Кажется, у меня где-то есть целая куча двоюродных братьев и сестер. А может, оставлю его тебе. Если будешь хорошо себя вести. Проявлять хоть каплю уважения. Уби-

раться здесь, приносить мне утреннюю чашку чаю. – Он принялся хохотать над собственной шуткой.

– Почему мне никогда не рассказывали?

– А что тебе рассказывать? Я тебя умоляю. Твои мама с папой были живы, не забывай об этом. Я разрешал им жить здесь и сейчас разрешаю тебе. Тебе чертовски повезло, что ты не знал. Многие на моем месте заставили бы тебя платить за жилье.

Тедди вышел и хлопнул за собой дверь. Он прошел в столовую и сел на пол рядом с кучей дров. Он планировал – не сегодня, так завтра – приступить к расчистке столовой и родительской спальни. Может, вызвал бы кого-нибудь, чтобы освободить их, какого-нибудь торговца подержанной мебелью, который заплатил бы ему за спальный гарнитур и потертый диван. Теперь это невозможно и, вероятно, никогда не будет осуществимо.

Тедди чувствовал себя переполненным уродством. Все в доме было уродливым, кроме двух или трех предметов в его комнате, и все это, в том числе его собственные рисунки в светлых деревянных рамах, и ряды книг между подставками, которые он вырезал своими руками, сейчас казалось ему жалким. Его инструменты не уродливы – верстак, стоявший на месте буфета, два рубанка, набор пил, молотки и дрели, – были просто утилитарными. Запах стал более въедливым, чем раньше, и проник даже сюда. Дом – это отвратительная груда хлама, но Тедди считал его своим, и это было все, что он имел. Только теперь у него этого нет. А у Кейта есть, у Кейта, самой уродливой вещи во всем доме, того, кто при каждой встрече оскорбляет его видом своего обрюзгшего тела и отекавшего лица, грязных рук и обломанных желтых зубов.

Некоторое время Тедди всерьез подумывал о том, чтоб уехать. Но куда ему идти? В университете можно было жить в одном из двух переполненных общежитий, но только не третьекурсникам. Денег на то, чтобы снять крохотную комнатуху, не было. Его стипендии не хватает даже на жизнь и проезд. Тедди вдруг отметил – так, исключительно как интересный факт, на самом деле его это не волновало, – что никогда сам не покупал себе новую одежду и никто не покупал ее для него. Тедди никогда не бывал за границей, ни в каком-либо лондонском театре, ни в ресторане чуть более высокого уровня, чем «Бургер-Кинг».

Его план, не выработанный, воспринимавшийся как само собой разумеющееся, состоял в том, чтобы продать дом. Вычистить, подремонтировать, покрасить снаружи и продать. Он стоил мало, столько же, сколько любой лондонский дом такого типа, постройки тридцатых годов, но его цена все равно исчислялась тысячами, возможно, она достигла бы сорока тысяч.

Однако дом принадлежал Кейту.

Тедди хранил кольцо в кармане своей единственной сменной куртки, той, что висела на крючке на внутренней стороне двери и имела карманы на «молниях». Он положил его на ладонь и стал разглядывать. Тедди все еще не оценил его. Если он попытается продать его, ювелир решит, что тот украл его. Можно попробовать сходить в ломбард. Тедди мало знал о ломбардах, однако они существовали, он видел их и предполагал, что там ему предложат за кольцо примерно половину его стоимости. Это тоже способ его оценить. А вот продавать Тедди его не будет.

Он никогда не продаст это кольцо. Деньги – не такая уж большая проблема. Тедди как-нибудь справится, всегда ведь справлялся. Если Кейт и дальше будет покупать в дом провизию, голод ему не грозит. Тедди сможет мастерить всякие вещи, учиться их делать, пока не закончит учебу и получит диплом.

Для диплома надо что-то придумать, какой-нибудь предмет, который станет образцом или демонстрацией его мастерства. Большинство представит журнальный столик или письменный стол, а один талантливый резчик по дереву будет делать, как было известно Тедди, русалку для носового украшения корабля. Его же талант заключался в инкрустировании, но

он считал себя еще и художником по росписи мебели. Тедди изготовит зеркало. У него будет рама из светлой древесины, из сикоморы или более темного ореха, инкрустированная паду-бом и тисом, и расписанная голубым, серым и золотым.

Жаль только, что приходится оставаться здесь, в этом доме, где все, на что падает взгляд, страдает уродством или оскорбляет своей примитивностью. Даже стоящий снаружи «Эдсел» укрыт пленкой, а сверху его закрывает навес на четырех столбах с пластмассовой крышей. Мотоцикл Кейта укрыт двумя пластмассовыми мешками для мусора, один натянут на руль, другой – на сиденье. Этот дом – склад пластмассовых мешков, один даже медленно скользит по бетону, там, где сероватые стебли травы пытаются пробиться через трещину. А еще один зацепился за сетчатый забор, его углы торчат со стороны соседей, как будто тот стремится сбежать. Тедди задвинул шторы.

Кейт спал в гостиной. После смерти брата он стал больше пить, можно сказать, за двоих, то есть он выпивал свою порцию и порцию Джимми. Очень часто Кейт не шел в свою комнату: возвращаясь оттуда, где работал, он натягивал на мотоцикл мусорные мешки и прямиком отправлялся в гостиную с двумя пластмассовыми пакетами в руках. В одном лежали мелкие и разборные сантехнические инструменты, в другом – «Чивас Регал» и «Гиннес» на вечер. Тут же включался телевизор, Кейт откупоривал банку или бутылку и закуривал первую за долгие часы сигарету. Клиенты запрещали ему курить в их домах.

Увидев, что Тедди смотрит на него, тот пустился в объяснения:

– Я не собираюсь оставлять выпивку в доме, пока на работе. Я, черт побери, не могу доверить тебе свой «Чивас». Даже не приближайся к нему, иначе я вышвырну тебя.

Тедди ничего не ответил. А что он мог сказать? Он никогда не прикасался к алкоголю, и дядя знал это не хуже его. По какой-то причине Кейт, который всегда относился к нему лучше, чем родители, после их смерти стал жестким, грубым и постоянно сквернословил. Тедди было плевать на это. Он не строил догадки, почему это произошло: то ли Кейт действительно любил своего брата и тосковал по нему, то ли его раздражало, что теперь некому за ним ухаживать и не с кем поговорить. Тедди наблюдал за Кейтом, иногда стоя в дверном проеме, но не с интересом, сочувствием или жалостью, а со своего рода увлеченным отвращением, особенно после того, как виски и «Гиннес» делали свое дело.

Иногда он стоял в дверях по десять-пятнадцать минут и просто смотрел. Не только на Кейта, но и на его обстановку, впитывая каждую деталь: шторы, сорванные с некоторых крючков и сколотые вместе то ли скобкой, то ли каким-то зажимом из арсенала Кейта; пыль, лежащую таким плотным слоем, что ее клочья свешиваются с поверхностей, напоминая мех; бесчисленные пепельницы, блюдца, крышки, стеклянные банки, полные пепла и окурков; продавленную, поломанную мебель и прямоугольник ковра, на котором уже давно образовался собственный узор из темных пятен, рыже-коричневых и грязно-серых; перекошенный абажур и голую лампочку, висящую на завязанном узлом проводе, – до тех пор, пока взгляд сам не возвращался к Кейту.

Сейчас его храп стал чудовищнее, чем шестнадцать лет назад. Кейт издавал трубные звуки, хрипел, каждые несколько минут вздрагивал и подпрыгивал, будто через него пропускали электричество. Потом храп снова становился равномерным, на долгих выдохах он с дребезжанием проходил через нос и заканчивался вибрирующим свистом. Один раз – только один – Кейт вдруг полностью пришел в себя и, сев прямо, завопил:

– На что ты смотришь, черт бы тебя побрал?

Больше такого не случалось. Любимая смесь слишком сильно, будто ударом дубинкой, оглушала Кейта. Он сидел, развалясь в кресле с широко открытым ртом, с раскинутыми и свисающими с подлокотников руками, а его огромный живот, обтянутый побитым молью зеленым шерстяным свитером, напоминал заросшую травой гору, в которой кладоискатели понаделали ям. Виски дядя наливал в стаканчик из-под йогурта, хотя откуда он взялся, Тедди

не знал. Дико было предположить, что кто-то из живших здесь когда-то ел йогурт. Обычно один пластмассовый пакет лежал у Кейта на коленях, а парочка других валялась на полу. Очень часто тот не удосуживался вынуть виски из магазинного пакета и наливал себе, держа бутылку через пакет.

Телевизор мог работать и за полночь. Кейт мог проспать в гостиной всю ночь. Если ему нужно было пописать, он не поднимался вверх, в ванную, а спотыкаясь, брел в сад. Тедди часто ощущал запах. Соседи думали, что это кошки.

Кейт всхрапнул и сильно дернулся, как от электричества. По случайному совпадению, по телевизору герои комедийного сериала «Спасатели и неотложка» готовились с помощью дефибриллятора стимулировать сердце пациента на каталке. Тедди выключил его и пошел спать.

Глава 10

Картине было уже два года, ею успели от души повосхищаться, а потом купили за крупную сумму, когда Марк Сайр вышвырнул Гарриет Оксенхолм из дома.

Она переборщила с вопросом, любит он ее все еще или нет. Его самообладание, которым он и так никогда не мог похвастаться, вдруг лопнуло. Марк ударил ее по голове с такой силой, что Гарриет упала и откатилась по заляпанному грязью ковру под сломанный канделябр. Потом он схватил ее за волосы, за эти чудесные густые вьющиеся рыжие волосы, и поволок из комнаты. Однако пряди вырвались из головы и остались у Марка в руке, поэтому ему пришлось тащить ее за плечи.

На этот раз никого из членов «Кам Хитер» в доме не было: ни администратора, ни поклонниц, которых Марк так любил приводить домой на ночь или просто для быстрого перепиха на диване в кабинете. Гарриет и Марк были одни, и поэтому она, стремясь вернуть их страсть, которая в последнее время проявлялась очень редко, задала свой роковой вопрос.

От удара она не потеряла сознание, но сопротивляться не стала и позволила ему выволочь ее из дома. Это было проще, чем уйти самой. На крыльце Гарриет поднялась, потому что ей не хотелось считать своим телом каменные ступеньки. Марк толкнул ее, она пошатнулась, но не упала. Когда тот вернулся в дом и захлопнул дверь, Гарриет села на мощеную дорожку и потерла голову в том месте, где он выдрал ей волосы. На пальцах была кровь — Марк поранил ее.

Стояла осень, и плотная завеса из листьев сменила свой цвет на бледно-желтый и бронзовый с вкраплениями темно-красного. Когда наверху резко распахнулось окно, вниз полетели обломанные ветки и листья. Марк принялся выбрасывать ее одежду. Гарриет пришлось отскочить в сторону, чтобы тот не попал в нее ботинком. Красное платье, то самое платье, слетело вниз, как огромная малиновая бабочка или как кусок завесы из дикого винограда, планировало весело и беззаботно, будто наслаждаясь полетом. Затем вылетела картонная коробка.

Гарриет встала и закричала ему:

— Дай мне чемодан, ублюдок! Я же не унесу все это в коробке!

Она не рассчитывала, что тот вернет ей чемодан. И принялась складывать вещи в коробку, в которой когда-то были бутылки с грушевым сидром «Бебичам». Господи, откуда у Марка взялся «Бебичам»? Из окна вылетел, хлопая крышкой, чемодан и упал точнехонько на единственный розовый куст. Гарриет схватила его, царапая руки о шипы.

Это был рассвет эры одежды из марлевки, а мисс Оксенхолм всегда следила за модой, поэтому такой одежды у нее было много: струящейся, бледных цветов, такой же хлипкой, какой себя чувствовала она сама. Гарриет запихала ее в чемодан, оставляя кровавые пятна на концентрических окружностях рисунка. Из глаз потекли слезы, и она завывала.

Окно снова распахнулось, и на подоконнике появился большой бело-розовый фарфоровый таз. Все помешались на наборах викторианской эпохи, состоявших из кувшина и таза, и ей, естественно, захотелось иметь такой же. Его ей купил Марк, как и все остальное, а сейчас собирался опорожнить таз ей на голову. Гарриет вскочила на ноги и, подвывая, потащила за собой чемодан. Она была у ворот, когда вниз потоком хлынула вода. За водой последовал и таз; он упал на плитки с таким грохотом, что из дома напротив выскочили жильцы.

Гарриет даже не посмотрела на них. В последнее время они часто жаловались в полицию на Марка, недовольные его образом жизни, и вероятно, будут жаловаться и дальше. Но теперь это не ее проблема. У нее своих достаточно: отсутствие денег и жилья. Родители Гарриет жили в Шропшире, в барском доме в одной из деревушек недалеко от Лонг-Минд, где обитали, как выражалась ее мама, «благородные простолюдины». Они не то чтобы ука-

зали Гарриет на дверь, но после того, как ее исключили из престижной частной школы и она стала всюду следовать за «Кам Хитер», ночуя в спальном мешке на ступеньках звукозаписывающей студии на Хэнгинг-Сворд-элли, а потом и вообще переехала к Марку и принялась рассказывать газетчикам, как обожает его, после всего этого они ясно дали понять, что в «Коллинг-Магна» ей не рады. Даже «Марк и Гарриет на Оркадия-плейс», названная Королевской академией картиной года, не изменила их отношения.

Все это время Гарриет было плевать на то, хотят они ее видеть или нет. Для нее даже было облегчением, что не хотят, потому что это освобождало ее от массы проблем. Сейчас же они могли бы оказаться очень полезны. «Коллинг-Магна» решил бы вопрос с жильем, а родителям пришлось бы принять ее. Только какой смысл думать об этом, если нет денег ни на поезд, ни на автобус? У нее вообще нет денег и нет сил их просить. Гарриет только лишь и оставалось, что добраться до Камден-Тауна и отдаться на милость своих друзей, что живут в заброшенном доме на Уилмот-плейс.

* * *

Трудно сказать, обрадовались ли они при виде Гарриет или были сыты ею по горло, либо отнеслись к ней как-то иначе. Большую часть времени ее друзья были во что-то погружены; мечтательные и отстраненные, они передвигались медленно, как старые зомби, или таращились в угол, как будто видели там нечто, чего никто больше видеть не мог. Терри и Джон, которые взяли себе имена Шторм и Пыльник, предложили ей свободный матрас в комнате, где уже обитали сам Пыльник и женщина по имени Цитра, но предупредили, что это только на несколько ночей. Они держали место для гуру Шторма, который должен был вскоре присоединиться к ним после возвращения из ашрама²¹ в Хартлпуле.

Гарриет пришлось тащить чемодан вверх по лестнице самостоятельно. Однако она не ожидала ничего иного. Матрас лежал на полу, и она села на него. Другим предметом обстановки в комнате был еще один матрас, тоже лежавший на полу, на нем спали Пыльник и Цитра. К стене был приколот большой лист бумаги, на котором кто-то причудливыми буквами и красной краской написал: «Четырнадцать манвантар²² плюс одна крита²³ получается одна калпа²⁴». Гарриет снова расплакалась, просто не могла ничего с собой поделать.

С завтрака, вернее с того, что называлось завтраком, хотя время было за полдень, девушка ничего не ела и сейчас чувствовала голод. Возможно, Шторм, Пыльник и Цитра поделится с ней едой, а может, и нет. Не исключено, что те вообще есть не будут. Гарриет очень хотелось выпить. Вместе с другими слабостями она приобрела привычку выпивать с Марком, однако здесь вопрос о выпивке поднимать не стоило – речь могла идти только о матэ или чае из листьев болдо, а ни того, ни другого у Гарриет не было.

Можно было пойти на панель, но она не знала, с чего начать. Разодеться и стоять, пока кто-нибудь не подойдет и не уведет тебя с собой? А вдруг ее изобьет сутенер или клиент? Рано или поздно придется ехать в «Коллинг-Магна». Туда можно добраться на попутках по шоссе М1, однако Гарриет все равно нужно чем-то питаться под дороге. Собирая вещи, выброшенные Марком из окна, она не присматривалась к тому, что складывает в чемодан, уж больно сильно была расстроена. Есть вероятность, что он выбросил что-то такое, что можно продать. Драгоценностями Марк никогда ее не баловал; единственным стоящим украше-

²¹ Убежище отшельника.

²² Период, символизирующий цикл проявления Вселенной, в начале которого появляется первопредок, который порождает человечество и дает ему законы.

²³ Первый из четырех периодов манвантары.

²⁴ Период мирового цикла, вообще цикл времени.

нием был золотой браслет, который, вероятно, и сейчас лежит в ящике на Оркадия-плейс. Гарриет уныло щелкнула замками и подняла крышку.

Одежда из марлевки. Как получилось, что ее скопилось так много? Блузки, топы, жилеты, брюки – такое впечатление, будто изначально длинное платье и жакет спарились и произвели потомство. Кремовая мягкая бесформенная масса, измазанная кровью, от которой воротило с души и в которую каким-то образом затесались ее сапоги, пара туфель и охапка подранных красных листьев. И под всем этим лежало то платье, что было на Гарриет, когда их писал Саймон Элфетон, платье из тонкого плиссированного шелка такого же цвета, как ее волосы. Ни браслета, ни часов. Марк заплатил за платье, пусть и неновое, целое состояние, что было вполне, в полной мере оправданно, так как создал его некто по имени Фортун²⁵. Теперь Гарриет вспомнила, что именно Саймон настоял на том, чтобы Марк купил его, именно художник разыскал его для нее и для своей картины.

Если кто-то купил его из вторых рук, то, возможно, кто-то купит и из третьих. Гарриет знала пару таких мест, можно сходить туда утром. Итак, чемодан пуст, если не считать одного отделения на «молнии», которое она не открывала, потому что ничего туда не клала. Это чемодан Марка, а не ее, так что не исключено, что тот мог что-то оставить в этом отделении. А вдруг с последнего раза, когда он пользовался чемоданом, там осталось полпачки сигарет? Ей ужасно хочется курить.

Гарриет открыла «молнию». И тихо взвизгнула. Отделение было забито деньгами. Банкноты лежали россыпью, они не были стянуты резинками в пачки. Гарриет едва не упала в обморок, ее охватила слабость, казалось, будто голова качается на плечах на тонком стебле-шее. Она закрыла глаза, сосчитала до десяти и открыла глаза снова. Банкноты были на месте, и она принялась их пересчитывать.

В те дни еще существовали банкноты в один фунт. Фунтовки. Большинство купюр были по фунту, но попадались по пять и даже по десять. Гарриет считала. Она забыла о голоде и о сигарете. Никогда в жизни она не получала такого огромного наслаждения от подсчета и очень расстроилась, когда процесс закончился. Однако сумма как таковая – две тысячи девять фунтов – Гарриет вполне устроила.

Эйфория длилась примерно час. Внизу, на кухне, Гарриет нашла Пыльника и Цитру, они пекли лепешки из гашиша. Те предложили ей одну, но она покачала головой. В настоящий момент ей не хотелось есть ничего, что могло изменить ее сознание. Гарриет нравилось ее нынешнее состояние.

– Я в магазин, – сказала она. – Вам что-нибудь принести?

В ответ те одарили ее отстраненными улыбками, однако, когда она вернулась с двумя пакетами, каждый из них принял по сигарете и по бокалу (по треснутой чашке) вина. Гарриет сообщила, что утром уезжает.

– Можешь пожить еще, – сказал Пыльник. – Святой риши²⁶ придет не раньше четверга.

– Мне нужно найти жилье, – сказала Гарриет.

Ее лицо болело в том месте, куда ударил Марк, и когда она посмотрела на себя в грязное зеркало в ванной – Гарриет уже давно не бывала в таких убогих ваннах, как эта, и даже забыла, что такие существуют, – то обнаружила, что скула из ярко-розовой стала цвета листьев дикого винограда. С купленными бутылкой вина и шоколадкой Гарриет вернулась в комнату. Ее счастье быстро уступало место тревоге. Как в чемодане оказались деньги?

Насколько можно предположить, есть две вероятности. Первая: Марк не захотел лишать ее средств к существованию и положил их туда специально. У него деньги были

---

²⁵ Мариано Фортун – испанский модный дизайнер первой половины XX в., создал собственный Дом моды.

²⁶ Мудрецы в индуизме.

рассованы по всему дому, в ящиках, под кроватью, такая вот у него была манера, до дикости странная. Может, Марк просто схватил горсть и сунул ее в отделение в качестве прощального дара? Но в таком случае он наверняка положил бы и браслет, ведь так? И не окатил бы водой из таза, чтобы поторопить?

Нет, это нельзя рассматривать как прощальный акт великодушия со стороны Марка, уж больно это нехарактерно для него. Более вероятное объяснение состоит в том, что он положил деньги в чемодан перед последней поездкой – может, даже в Испанию месяц назад – и просто забыл о них. Вполне возможно, что чемодан был одним из его «банков» наряду с ящиками и верхней полкой шкафа. Он, несомненно, забыл об этом, но наверняка скоро вспомнит. Он сообразит, что Гарриет достались две его «штуки», и придет за ними. Или его громилы. У других музыкантов есть охранники, а у Марка – громилы, она знала одного из них, огромный такой мужик, и имя у него было соответствующее.

Надо исчезнуть как можно скорее.

* * *

Гарриет нашла комнату в Ноттинг-Хилле, недалеко от Лэдброк-Гров, который местные называли просто Гров, и домохозяйка отмахнулась от рекомендаций, когда та дала задаток в сто фунтов. Она считала, что ее практически невозможно найти здесь, но все равно нервничала, когда выходила из дома. И еще Гарриет было очень одиноко.

Ее друзьями были друзья Марка. Ей всегда нравился Саймон Элфетон, очень нравился, однако она опасалась с ним связываться. Он знает Марка и может все рассказать тому, и тогда Марк прибежит за своими быстро убывающими двумя тысячами фунтов. Хотя Гарриет и чувствовала себя неудобно, выходя на улицу, тратить деньги у нее получалось отменно. Покупки утешали ее. Она была полна бодрости и не ощущала себя такой одинокой, когда возвращалась на Честертон-роуд с, например, парой сапог, напольной подушкой, записями популярных исполнителей, журналом «Вог» и индийским платьем. Гарриет даже купила парик, движимая смутной идеей изменить внешность, однако надеть его не смогла – слишком много у нее было волос.

Еще никогда – с пятнадцати лет – у нее не было такого долгого периода без секса. Воздержание уже длилось два месяца, когда домохозяйка решила покрасить дом. Человек, которого та наняла, однажды утром объявился под окном у Гарриет на вершине приставной лестницы. Отто Ньюлинг был сыном бывшего немецкого военнопленного и блондинки-англичанки. Высокий, статный, цветом волос он походил на Зигфрида, а чертами лица – на Пола Ньюмена. Он был младше Гарриет – его восемнадцать против ее двадцати четырех – и оказался первым в длинной череде молодых любовников, которые по роду деятельности являлись работниками физического труда, а по возрасту – юношами.

После оголтелого флирта у окна Гарриет предложила ему перелезть через подоконник в комнату.

Отто никогда не слышал ни о Саймоне Элфетоне, ни о «Марке и Гарриет на Оркадия-плейс»; он отличался немногословием, весьма скромными способностями, зато мужской силой. Это в полной мере устраивало Гарриет. Иногда она вместе с ним ходила выпить в «Солнце на гербе», а однажды даже отправилась в Клактон на его «Хонде». Марку и в голову не придет, думала Гарриет, искать ее в компании Отто.

Когда от денег бывшего приятеля осталось меньше пятисот фунтов, Гарриет, в красном платье, с полной всяких дамских штучек сумочкой из «Биба», шла домой по Холланд-Парк-авеню. Введенная ею экономия заключалась в том, что она перестала брать такси. Мужчина с собакой на поводке, шедший навстречу, был из тех, по кому Гарриет лишь скользила взглядом, – старый, под сорок, с редющими волосами и в очках. А вот на собаку она обра-

тила внимание, так как это был ирландский сеттер в попоне такого же цвета, как ее волосы. Однако этот факт не заинтересовал Гарриет настолько, чтобы она отвлеклась от любимого занятия – изучения собственного отражения в витринах.

Он заговорил с ней. Гарриет никогда прежде его не видела, но тот назвал ее по имени: – Гарриет.

Он произнес это с довольным удовлетворением. Та забеспокоилась.

– Как Марк? – спросил он.

Если бы она лучше умела понимать человеческую природу, то сразу бы распознала в его манерах интуитивную прозорливость, как у человека, который радуется своему неожиданному открытию. И нашла подтверждение в его улыбке, в том, как тот поднял брови. Но Гарриет, солипсист²⁷, тут же решила, что этот мужчина – детектив или судебный пристав, которому поручили вернуть деньги. Она резко произнесла:

– Что вам надо?

– Прошу вас, – сказал он, – простите меня. Вы ведь Гарриет, не так ли? Та самая Гарриет на «Оркадия-плейс» Элфетона? Я узнал бы вас где угодно.

– Это все? – осведомилась она, успокаиваясь.

– Я уже три года влюблен в эту картину. Правильнее было бы сказать, что я все это время влюблен в девушку на картине.

«Ну ты и наглец, черт побери», – подумала Гарриет. Но вслух этого не сказала. Она посмотрела на него, на этот раз внимательно, с удвоенным интересом. А он ничего: довольно высокий, брюха еще нет, несмотря на возраст. Красивые руки, сносные зубы, и собака милая. Гарриет погладила собаку по шелковистой рыжей шерсти.

– Как его зовут?

– О’Хара.

– Вы точно не от Марка?

Мужчина расхохотался.

– Я даже не знаю, кто он – поп-певец, да?

– Он очень знаменит, – с негодованием заявила Гарриет.

– Не сомневаюсь. Я знаю его только по картине, да и то плохо. Кстати, как вы относитесь к тому, чтобы выпить чашечку чаю?

– Я бы предпочла что-нибудь покрепче, – сказала Гарриет.

«Принц Уэльский» только что открылся после обеденного перерыва. Они выпили по текиле «Санрайз», который бармен приготовил под его руководством. Для О’Хары на пол поставили миску с водой. Мужчина сказал, что его зовут Франклин Мертон и что он живет на Кэмпден-Хилл-сквер. Это заставило Гарриет тут же наострить уши, и она поинтересовалась, живет ли он там в квартире или в доме. «В доме, – ответил он. – А вы чем занимаетесь?» Она не нашлась что сказать, сказать-то было нечего, кто она такая – всего лишь Гарриет Оксенхолм, которую написал Элфетон.

– Полевая лилия?²⁸

Она не поняла, что тот имеет в виду, и подумала, что он псих. Но богатый. Гарриет никогда не спрашивала у людей, чем те зарабатывают себе на жизнь, потому что этот вопрос ее не интересовал, и когда Франклин сказал, что заботится о людях и делает все, чтобы те чувствовали себя защищенными, то с огорчением решила, что он социальный работник.

– Я работаю в сфере страхования.

– О.

---

²⁷ Субъективный идеалист, признает в качестве единственно несомненной реальности только собственное индивидуальное сознание; все объективное он отрицает.

²⁸ Евангелие от Матфея, 6:28: «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут».

– И я женат.

– Ясно.

Она одарила его невинной, беззаботной улыбкой. С какой стати Гарриет должен интересоваться или беспокоиться вопросом, женат он или нет? Как бы то ни было, браки, насколько ей известно, заключаются для того, чтобы распадаться. Однако Франклин богат, а она через несколько недель будет бедна.

– Вы замечательно выглядите в платье от Фортуни, – сказал он. – Давайте я заскочу домой, оставлю собаку, и мы вместе поужинаем.

Гарриет заметила любопытную холодность в его натянутой улыбке, но тогда ничего зловещего в ней не увидела.

Глава 11

Они никуда не делись. Другие знакомые ей девочки, подружки – Миранда, Изабель и Холли тоже хорошо помнили восьмой год своей жизни, хранили воспоминания, которые навсегда запечатлелись в их памяти. Щенок, подаренный родителями на день рождения, – в случае с Мирандой, а у Холли – падение с пони и сломанная нога; для Изабель таким воспоминанием было рождение брата. У нее, Франсин, тоже были свои воспоминания: убийство матери.

Почему обычно запоминаются именно эти подробности, а не другие? Хоть кто-то может это четко объяснить? Почему люди обманывают – а именно это они и делают – свою память?

Все те обстоятельства – как ее отослали в комнату, как Франсин ждала там, скучая и раздражаясь, – остались с ней. Бабочка, которую поймала и выпустила в окно. «Красный адмирал» – это распространенный вид бабочек, возможно, самый распространенный в Англии, он используется во многих орнаментах и логотипах. Вероятно, большинство людей просто не замечают «красного адмирала» на коробках с овсяными хлопьями, на обложках книг, на бутылках с пеной для ванны. А вот Франсин замечает. Она даже увидела одного на майке. И даже помнит кольцо на дверном звонке, как залезла в шкаф и притянула дверцу тоненькими пальчиками семилетнего ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.